

ГЕННАДИЙ ЛЕВИЦКИЙ

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ.
ПРЕДПОЧИТАЮ БЫТЬ
ПЕРВЫМ...

Геннадий Левицкий

Гай Юлий Цезарь.

Предпочитаю быть первым...

«Автор»

2017

Левицкий Г. М.

Гай Юлий Цезарь. Предпочитаю быть первым... /
Г. М. Левицкий — «Автор», 2017

Перед нами биография самого известного человека и самого загадочного правителя в мировой истории. Он мог одновременно заниматься многими делами, с его именем связаны слова «июль» и «царь». Им разработан и введен календарь, согласно которому, год начинается с января и имеет 365 дней, и каждый четвертый – високосный. Великий военачальник, покоритель Западной Европы, муж самой известной египетской царицы – достижения Цезаря можно перечислять бесконечно. Не меньше в этом человеке и парадоксов. Он был кумиром плебеев и чужим для сенаторов, но стал пожизненным диктатором; истребил миллионы людей – римлян и неримлян, а не числится в списке ужаснейших злодеев мировой истории; он знал о готовившемся на него покушении и ничего не сделал для его предотвращения. Пример для подражания для последующих диктаторов и кумир толпы – он гениально уничтожил римскую республику. Историки спорят: хорошо поступил он или нет, забывая, что за эксперименты Цезаря каждый второй римлянин заплатил жизнью. Цвет нации никогда не возродится, величайшее государство, ведомое чудовищами на троне, медленно, но неотвратимо будет двигаться к пропасти. Все эти калигулы, клавдии, нероны неизменно принимали имя своего духовного отца – Гая Юлия Цезаря, а кроме имени, наследовали уверенность, что верховному властителю Рима позволительно абсолютно все.

© Левицкий Г. М., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Предисловие	6
Наверх по лестнице	9
1. Начало конца римской республики	9
2. Первые шаги	13
3. История с Никомедом	15
4. Уроки риторики на пиратском корабле	18
5. Добиться известности: путь Цезаря	23
6. Реставрация демократии или подготовка переворота	26
7. «Вернусь понтификом, или совсем не вернусь»	28
8. Заговор Катилины	29
9. Жена Цезаря вне подозрений	33
10. «Я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме»	35
11. В консульство Юлия и Цезаря	37
Галлия	43
12. Спокойная провинция для проконсула	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Геннадий Михайлович Левицкий

Гай Юлий Цезарь.

Предпочитаю быть первым...

«Всем людям, стремящимся отличаться от остальных, следует всячески стараться не прожить жизнь безвестно, подобно скотине, которую природа создала склоненной к земле и покорной чреву. Вся наша сила ведь — в духе и теле: дух большей частью повелитель, тело — раб, первый у нас — общий с богами, второе — с животными. Поэтому мне кажется более разумным искать славы с помощью ума, а не тела, и, так как сама жизнь, которой мы радуемся, коротка, следует оставлять по себе как можно более долгую память. Потому что слава, какую дают богатство и красота, скоротечна и непрочна, доблесть же — достояние блистательное и вечное»
(Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины)

Предисловие

Детство и юность героя нашего повествования пришлось на смутное время гражданских распри и войн. Он мог погибнуть, едва сделав в жизни первые шаги, но судьба словно берегла юношу для своих великих планов. Впрочем, что касается Цезаря, судьбе отводилась небольшая роль; он сам выбирал путь в жизни и упорно шел к поставленной цели.

Гай Юлий Цезарь внимательно следил за происходящим в Риме; сначала на ощупь, затем целенаправленно, он искал свою тропу в полной хаоса жизни; он взял самое лучшее из опыта предшественников и приложил все старание, чтобы не повторить их ошибок; чтобы не только стать первым в Риме, но остаться им надолго... навсегда.

К Цезарю можно относиться по-разному: восхищаться им, либо порицать, благоговеть перед его деяниями либо ненавидеть, но невозможно стереть его имя из памяти человечества. Цезарь, «овладевает рукой пишущего и заставляет, как бы он ни торопился, задержать внимание на своей личности», — признается римский историк Веллей Патеркул.

Его титанические усилия, перевернувшие Рим и вынудившие Западную Европу идти по пути им определенному, заставляют исследователей с глубокой древности и до наших дней изучать его биографию, искать разгадку феномена по имени «Цезарь».

Путь Цезаря пытался повторить самый известный авантюрист Наполеон Бонапарт. Он подражал великому римлянину в битвах, в каждой из которых оставлял резерв, неизменно приносивший победу в решающую минуту. Наполеон подражал далекому кумиру и в деле государственного устройства (даже в мелочах). Во главе Франции оказались два непонятных консула, но реальную власть имел первый консул — Бонапарт. Интересен момент коронации Наполеона: на его голову была возложена не золотая и даже не железная корона лангобардских королей, но корона римских императоров из лавровых листьев.

Удивительно, но Цезаря считают своим люди совершенно чуждых друг другу идеологий, моральных принципов, политических взглядов.

Какой-то особый подход к личности Цезаря существует уже не одно тысячелетие. Мы возмущаемся деянием восточного владыки, построившего пирамиду из человеческих голов. Но этот факт тускнеет перед подвигами Цезаря в Галлии. Счет его жертв идет на миллионы,

этот рано начавший лысеть римский щеголь уничтожил, продал в рабство или отправил на арену цирков большую часть мужского населения Европы.

Его идейного последователя — Наполеона — именовали «Корсиканским чудовищем». Цезарь же за убийство целых народов при жизни получал славу и триумфы, а после смерти и вовсе прослыл человеком, щадившим своих врагов.

Гай Юлий ловко уничтожил римскую республику, стал пожизненным диктатором, и фактически первым римским императором. Удивительное дело: узурпация власти, ликвидация демократии в Риме трактуется историками (начиная с древних), как прогрессивный шаг, как объективная необходимость.

Немецкий историк Теодор Моммзен за подобные шалости лишь слегка, словно ребенка, пожурил Цезаря:

«Однако великие люди замечательны вовсе не тем, что они меньше всего ошибаются. Если же спустя тысячелетия мы все еще благоговейно склоняемся перед тем, что хотел и сделал Цезарь, то причина этого не та, что он добивался короны и получил ее, — в чем, собственно, так же мало великого, как и в самой короне, а та, что он никогда не забывал своего великого идеала свободного государства под главенством одного лишь лица и благодаря этому, даже достигнув монархической власти, не опустился до низкого царизма».

Что ж, отдадим должное Цезарю и мы, раз Моммзен настаивает, — Цезарь был неплохим правителем. Но к чему привело сосредоточение верховной власти в одном лице? Императоров, подобных Цезарю, были единицы, но имелись многие десятки бездарностей либо исчадий ада на римском троне. И что ждало народ, который вместе с историками рукоплескал Цезарю и радовался его победам?

Непонятно, в чем прогрессивность единовластия, когда читаешь биографии Каллигулы, Нерона, Клавдия и прочих менее известных императоров-злодеев либо ничтожеств. С концом республики великая мировая держава начала неудержимо катиться к гибели, попутно проливая реки крови в братоубийственных войнах.

Можно понять множество больших и маленьких наполеонов, которые не одно тысячелетие пытаются подражать своему кумиру. Однако марксистско-ленинская идеология считала убийцу республики Цезаря своим в доску парнем.

Во всем мире принято ругать правителей: королей, президентов... Наполеон много сил и стараний уделял тому, чтобы его образ и после смерти оставался привлекательным и достойным подражания. И все же Цезаря в этом отношении ему не удалось превзойти. Поразительно, как государственный деятель, всю жизнь творивший в мире зло, остался в памяти потомков положительным человеком.

Как и любой диктатор, Цезарь желал оставить после себя добрую память. И это ему удалось.

Две тысячи лет лучшие умы человечества волнует вопрос: как Цезарь стал Цезарем? Но не менее важна и другая проблема: как оценить его деяния беспристрастно. Кто-то видит в нем героя, кто-то подлеца, кто-то безумно гениального и расчетливого карьериста. Но прежде всего, он человек, и как человек неординарный — он разный. Цезаря невозможно изобразить в одном цвете. Если даже проникнуться духом той далекой эпохи и мыслить так как мыслили древние римляне, деяния Цезаря окажутся неподвластны для объективной оценки. С Цезарем соприкасались тысячи и тысячи людей, а он был он не с ними. Этот колосс жил в будущем, где не было места республике с ее атрибутами, столь дорогими соотечественникам. Он искал гармонии в обществе, мечтал об идеальном правителе...

Образ Цезаря при обилии исторических фактов настолько скользкий и неуловимый, что даже признанный знаток Рима — Теодор Моммзен — попадал в тупик. Гениальный

немецкий историк полагал, что в цельной человеческой натуре Цезаря совместились отличительные особенности римского народа и эллинизм:

«Но в этом также заключается и трудность, можно даже сказать невозможность отчетливо изобразить Цезаря. Как художник может изобразить все, кроме совершеннейшей красоты, так и историк, встречая совершенство один какой-нибудь раз в тысячелетие, может только замолкнуть при созерцании этого явления».

Настолько поражал масштаб деяний этого человека, что древние авторы выводили родословную Цезаря от богов: «Он происходил из найзнатнейшей семьи Юлиев и, как это установлено всеми знатоками старины, вел свое происхождение от Анхиза и Венеры» (Веллей).

Венера почиталась римлянами как богиня любви и красоты; что ж, в жизни Цезаря найдется места для любви, и не одной. Анхис (Анхиз) считался мифическим властителем дарданов в Троаде. Согласно легенде, околдованная Зевсом Афродита вспылала любовью к Анхису и родила от него сына Энея. В общем, предков Цезарь имел весьма достойных.

На этом с мифологией закончим вместе с Веллеем Патеркулом, ибо далее он пишет о Гае Юлии Цезаре как о вполне обычном человеке, рожденном для великих целей:

«Выделявшийся среди граждан внешностью, наделенный неукротимой силой духа, неумеренный в щедротах, вознесшийся духом выше всего человеческого, естественного и вероятного, величию помыслов, стремительностью в военных действиях, выносливостью в опасностях уподоблявшийся Великому Александру, но рассудительному, а не гневному, наконец, сном и пищей всегда пользовавшийся для поддержания жизни, а не для удовольствия».

С таких же реальных позиций будем рассматривать величайшего человека и мы (по крайней мере, будем стараться, ибо человек субъективен): без положительных и отрицательных эмоций, поклонения или ненависти — мы проследим путь Цезаря от «ничего» до «всего». Цитаты из древних источников помогут читателю разобраться, что это был за человек и в чем секрет его успеха.

Наверх по лестнице

1. Начало конца римской республики

Рим был не похожим на государства, существовавшие до него и с ним одновременно, его граждане изобрели уникальную форму правления: два консула, избираемые сроком на год. Предел мечтаний каждого честолюбивого римлянина был вполне достижимым; к высшей должности вела лестница, которую мог при желании пройти любой желающий гражданин. Впрочем, с некоторыми оговорками: гражданин должен иметь кроме желания и некоторые способности, и еще, в начальный период существования республики такое право являлось исключительной прерогативой патрициев — коренного населения римской общины.

Однако плебеи, — сословие, состоявшее из покоренные римлянами латинов и чужеземцев, переселившихся в Рим, — довольно скоро исправили эту несправедливость. В 445 г. до н. э. (далее в тексте все даты до н. э.) были официально разрешены браки между патрициями и плебеями. Бесправное в начале своего существования сословие шаг за шагом отводило позиции у потомственных римских аристократов, наконец, в 367 г. после упорного противостояния патриции отказались от главной привилегии: согласно закону Лициния и Секстия плебеи получили право занимать должность консула.

Итак, к началу 3 в. гражданские и политические права плебеев и патрициев уравнились полностью. Но уже в следующем веке в самом демократическом государстве мира стала острой другая проблема — социальное неравенство. Проблема не только Рима, но всего человечества во все времена, в государствах с любым политическим строем. Именно существование богатых и бедных приводило к самым кровавым революциям и гражданским войнам. Собственно, не столько само неравенство было страшно и даже не несправедливо (не могут иметь равные блага лентяй и трудолюбец, пьяница и гений), более опасны попытки всех облагодетельствовать. И чаще всего на роль справедливых вождей претендуют беспринципные авантюристы. Впрочем, в Риме «начало эпохи гражданских кровопролитий и безнаказанных убийств» связывается с благородными братьями Гракхами.

Старший — народный трибун Тиберий Гракх — решил изъять часть земель у крупных землевладельцев и раздать ее бедным согражданам. Затея понравилась римским деклассированным элементам, и вскоре у Тиберия появилось некоторое количество сторонников. Это и погубило трибуна; он возомнил себя борцом за справедливость и, согласно Плутарху, «всеми средствами и способами старался ограничить могущество сената, скорее в гневе, в ожесточении, нежели ради справедливости и общественной пользы».

Бедняга Тиберий предлагал народу «удочку» за символическую плату, однако нищие, но гордые плебеи не хотели ловить рыбу, а желали получать ее готовой и бесплатно. Показательно, что борец за народные права не был даже избран народным трибуном на следующий срок. Число его сторонников не превышало трех тысяч, и в 133 г. Тиберия убили ножкой от скамьи, а тело сбросили в Тибр. С его сподвижниками управились тоже легко и скоро. «Всего погибло больше трехсот человек, убитых дубинами и камнями, и не было ни одного, кто бы умер от меча» (Плутарх).

Дело Тиберия продолжил его брат — Гай Гракх. Ему удалось даже основать колонию беднейших граждан на месте разрушенного Карфагена. (Как далеки от народа эти древние борцы за его благоденствие! Они так и не поняли, что стало ясно одному российскому политику в 1917 г. нашей эры: чтобы добиться успеха, народу надобно обещать ВСЕ, и при этом достаточно указать, у кого это ВСЕ можно отнять.) Гай Гракх вместо бесплатной раз-

дачи хлеба и прочего имущества принялся раздавать святым для каждого римлянина; он предложил права римского гражданства предоставить латинским союзникам, — это и лишило его большей части сторонников-римлян.

Глашатаи сената объявили, что за голову мятежного Гая Гракха будет уплачено столько золота, сколько она завесит. Голову народному трибуну отрубил Септимулей, которого Аврелий Виктор называет «другом Гракха». «Когда ее положили на весы, — рассказывает Плутарх, — весы показали семнадцать фунтов и две трети (римский фунт — 327,5 г.). Дело в том, что Септимулей и тут повел себя как подлый обманщик, — он вытащил мозг и залил череп свинцом».

Из неудач Гракхов честлюбивые римляне сделали свои выводы. Главное, что они поняли: ничтожных нищих плебеев можно использовать, чтобы добиться высшего положения в государстве, и вовсе не обязательно к заветному консульству идти путем, определенным древними законами и римским правом. С этой поры замечательная римская республика начала неудержимо катиться к гибели. По иронии судьбы наиболее способствовали этому процессу те, кто были призваны защищать государственность и закон — консулы, военачальники, первые лица Рима. Увы! Непомерному римскому честлюбию стало тесно в рамках закона и традиций. Государство долгое время поощряла в гражданах стремление к славе, почестям — такая политика приносила небывалые плоды и вывела Рим на первое место в мире; она же его ввергла в бездну произвола, сделала игрушкой в руках жестоких, сумасшедших, порой безвольных императоров.

Гай Марий стал следующим за братьями Гракхами, кто внес посильный вклад в дело уничтожения республики.

«Родители Мария были люди совсем не знатные, бедные, добывавшие пропитание собственным трудом, — пишет о его происхождении Плутарх. — Марий поздно попал в город и узнал городскую жизнь..., он жил, не ведая городской утонченности, просто, но зато целомудренно, воспитываясь так, как римские юноши в старину».

Что ж, римские законы позволяли карьерный рост и гражданам из небогатых семей, тем более, Гай Марий обладал для этого мужеством, упрямством в достижении целей и определенными способностями. Но вот беда, вместе с лучшими качествами в будущем консуле жила ненависть к тем, кто знатнее и богаче его. И чем выше он поднимался, тем становилась она сильнее, тем старательнее он пытался натравить на своих собратьев вечно недовольных плебеев. После одного столкновения, по словам Плутарха, «все поняли, что Мария нельзя ни запугать, ни усовестить и что в своем стремлении заслужить расположение толпы он будет упорно бороться против сената».

Плебеи оценили старания своего неожиданного покровителя: не обладавший ни богатством, ни красноречием в 107 г. Гай Марий избирается консулом. Впрочем, скромный защитник обездоленных с удовольствием породнился с благородным семейством Цезарей. Вот как рассказывает об этом событии, наложившем определенный отпечаток на судьбу Гая Юлия Цезаря, Плутарх:

«Однако граждане высоко ценили его (Мария) за постоянные труды, простой образ жизни и даже за его высокомерие, а всеобщее уважение открывало ему дорогу к могуществу, так что он даже смог вступить в выгодный брак, взяв в жены Юлию из знатного дома Цезарей, племянник которого, Цезарь, немного лет спустя стал самым великим из римлян и, как сказано в его жизнеописании, часто стремился подражать своему родственнику Марию».

Марий поступил гораздо мудрее, чем побуждаемые добрыми намерениями Гракхи. Он дал нищим гражданам жалование, паек, но они получили это... в качестве собственных солдат Мария. «Избранным консулом, Марий тотчас провел набор, вопреки закону и обычаю

записав в войско много неимущих и рабов, которых все прежние полководцы не допускали в легионы, доверяя оружие, словно некую ценность, только достойным — тем, чье имущество как бы служило надежным залогом, — и далее Плутарх пишет о возросшей заносчивости нового консула. — Но больше всего нареканий вызвали не действия Мария, а его высокомерные, полные дерзости речи, оскорблявшие самых знатных римлян: он говорил, что консульство — это трофей, с бою взятый им у изнеженной знати и богачей, или, что он может похвастаться перед народом своими собственными ранами, а не памятниками умерших и чужими изображениями».

Марий в своих речах безжалостно ниспровергал древние славные сенаторские роды. «Все это он говорил не ради пустого бахвальства, — замечает Плутарх, — не с тем, чтобы понапрасну вызвать ненависть к себе среди первых в Риме людей: народ, привыкший звонкостью речей измерять величие духа, ликовал, слыша хулу сенату, и превозносил Мария, этим побуждая его в угоду простонародью не щадить лучших граждан». Вот он — самый действенный способ добиться народной любви и реализовать самые черные планы! Вот такой пример древней грязной политтехнологии!

Марий был первым, кто занял фактически личную, подвластную только ему армию, но скоро у него появится множество последователей.

Однако мало завербовать солдат, раздать оружие и выплатить жалование: нужно, чтобы армия верила полководцу и шла за ним куда угодно и против кого угодно. Механизм преданности солдат полководцу довольно прост; он был прекрасно известен древним. Поскольку им с успехом пользовался не только Марий, но и его родственник — Гай Юлий Цезарь, — то познакомимся с описанием Плутарха:

«Война несет с собой много тягостных забот, и Марий не избегал больших трудов и не пренебрегал малыми; он превосходил равных себе благоразумием и предусмотрительностью во всем, что могло оказаться полезным, а воздержанностью и выносливостью не уступал простым воинам, чем и снискал себе их расположение. Вероятно, лучшее облегчение тягот для человека видеть, как другой переносит те же тяготы добровольно: тогда принуждение словно исчезает. А для римских солдат самое приятное — видеть, как полководец у них на глазах ест тот же хлеб и спит на простой подстилке или с ними вместе копает ров и ставит частокол. Воины восхищаются больше всего не теми вождями, что раздают почести и деньги, а теми, кто делит с ними труды и опасности и любят не тех, кто позволяет им бездельничать, а тех, кто по своей воле трудится вместе с ними».

Воевал Гай Марий неплохо. Он блестяще закончил долгую Югуртинскую войну (111–105 гг.). Когда над Римом нависла смертельная опасность в виде орд кимвров и тевтонов, Марий вторично, в нарушение всех законов, избирается консулом. И вновь он оправдал надежды сограждан: сотни тысяч тевтонов были уничтожены на подходе к Италии. Разгром был столь страшным, что, по словам древнего автора «жители Массилии костями павших огораживали виноградники, а земля, в которой истлели мертвые тела, стала после зимних дождей такой тучной от наполнившего ее на большую глубину перегноя, что принесла в конце лета небывало обильные плоды».

Приблизившиеся к Альпам кимвры долго ждали тевтонов. Наконец, они вступили в переговоры с Марием и потребовали предоставить в Италии «им и их братьям достаточно обширную область и города для поселения. Когда на вопрос Мария, кто же их братья, послы назвали тевтонов, все засмеялись, а Марий пошутил: «Оставьте в покое ваших братьев; они уже получили от нас землю, и получили навсегда» (Плутарх).

В упорном бою Марий разбил и кимвров.

Восторженные римляне продолжали вручать консульство Марию год за годом, а следовало бы им вспомнить о довольно несправедливой традиции остракизма у своих соседей,

— самого популярного политического деятеля греки отправляли в изгнание, дабы у него не возникло соблазна установить тиранию.

К несчастью для римлян, у Гая Мария появился соперник в борьбе за славу — удачливый военачальник Луций Корнелий Сулла, происходивший из ненавистного консулу-честолюдину патрицианского рода. Оба полководца не поделили войну с понтийским царем Митридатом, и в результате шесть лет (с 88 по 82 гг.) римляне сражались друг с другом.

«И вот эта-то вражда, столь незначительная и по детски мелочная в своих истоках, но затем через кровавые усобицы и жесточайшие смуты приведшая к тирании и полному расстройству дел в государстве, показывает, сколь мудрым и сведущим в общественных недугах человеком был Еврипид, который советовал остерегаться честолюбия, как демона, самого злого и пагубного для каждого, кто им одержим», — приходит к такому выводу Плутарх. Если отложить в сторону умные учебники по истории, очерки и монографии, где подробно разбираются предпосылки всех римских внутренних конфликтов и войн, а заняться рассуждениями вместе с древними авторами, то именно честолюбие (развитое в римлянах, как ни в одном народе) и являлось причиной всех римских побед и бед одновременно.

Все те же человеческие слабости и явились причиной долгой кровавой войны, они же раскололи Рим надвое и каждую сторону обеспечили гражданами, готовыми сражаться друг с другом не на жизнь, а на смерть. «Никто из тех, кто превосходил его (Мария) славой, не заставлял его так страдать и терзаться, как Сулла, который приобрел могущество, используя ненависть знати к Марию, и сделал вражду с ним основой своего возвышения» (Плутарх).

«Только этой напасти не хватало римскому народу — пронзить братоубийственным мечом самого себя, чтобы посреди города, на форуме, словно на арене, граждане стали сражаться с гражданами на манер гладиаторов! — возмущается римский историк Луций Анней Флор. — Можно было бы отнестись к этому более спокойно, если бы высокая должность и положение предводителя были использованы для преступления плебейскими вождями. Но — о позор! — какие это были люди! Что за полководцы! Марий и Сулла! Гордость и украшение века! Все свои достоинства они, однако, поставили на службу самому низкому злодеянию».

Марий умер в начале братоубийственной войны, но успел оставить память о себе не только как о талантливом полководце. «При виде разбросанных по улицам и попираемым ногами обезглавленных трупов никто уже не испытывал жалости, но лишь страх и трепет», — так описывает древний автор последние деяния обожаемого победителя кимвров и тевтонов.

Зачинщик страшной гражданской войны умер, но она продолжалась еще долгих четыре года. И Луций Сулла, который поставил цель вернуть в Рим закон, безжалостно убивал тех, кто делали то же самое ранее, и не только их. «Ярость овладела всей Италией и свирепствовала до тех пор, пока было кого убивать, — читаем у Флора. И далее историк сообщает число жертв только последних сражений в войне. — Убийство Суллой у Сакрипорта и Коллинских ворот более семидесяти тысяч было меньшим преступлением: шла война». Луций Корнелий Сулла возвратил гражданам древние обычаи очень дорогой ценой, и ненадолго.

2. Первые шаги

Родился Гай Юлий Цезарь в 100 г., в месяце, который впоследствии назовут его именем.

В литературе довольно часто встречается другой год рождения Цезаря — 102. «Составил» нашего героя на целых два года Теодор Моммзен (1817–1903 гг.). Свои выводы немецкий историк делает на основании того обстоятельства, что Цезарь занимал государственные должности на два года раньше положенного срока: Цезарь был эдилом в 65 г., претором — в 62 г., консулом — в 59 г., тогда как по римским законам эти должности можно было занимать не ранее как на 37–38, 40–41 и 43–44 году жизни.

Однако заметим, что все это происходило во времена, когда законы больше нарушались, чем соблюдались. Товарищ Цезаря по триумвирату и его соперник в борьбе за власть — Гней Помпей — получил триумф в 27 лет (раньше, чем стал сенатором), а консульство — в 36 лет. Как увидим далее, деятельный Цезарь столь же мало считался с древними римскими законами.

Дата рождения в 100 г. подтверждается античными историками Аппианом, Светонием, Плутархом. Они единодушно утверждают, что Цезарь умер 15 марта 44 г. на 56-м году жизни. Веллей Патеркул сообщает, что «Цезарю едва исполнилось восемнадцать лет, когда Сулла захватил власть». (Хозяином Италии Луций Корнелий Сулла стал после кровопролитной гражданской войны в 82 г.).

Тацит в «Диалоге об ораторах» сообщает, что «на двадцать первом году» жизни Цезарь выступил с обвинениями против Долабеллы. Это произошло, по свидетельству Светония, после смерти Суллы и подавления мятежа Эмилия Лепида, — то есть событий относившихся к 78 г. Если бы Цезарь родился в 102 г., то к моменту суда над Корнелием Долабеллой он бы находился далеко не «на двадцать первом» году.

Поэтому, при всем уважении к величайшему немецкому историку Теодору Моммзену, мы все же примем цифру 100 за год рождения Цезаря.

Он рано лишился отца, и воспитанием мальчика занималась мать — Аврелия. (Точно так же Александра Македонского растила Олимпиада; а Летиция оказала огромное влияние на становление Наполеона. Великих диктаторов, тиранов, завоевателей почему-то растили и пускали в мир с напутственным словом не отцы, а именно матери; впрочем, этот вопрос больше касается психологов, и не будем в него углубляться.)

Несмотря на смутное время, Гай Юлий получил прекрасное всестороннее образование, но лучшим учителем была, конечно же, мать. «От нее самой, — приходит к выводу немецкий историк Карл Фридрих Беккер, — Цезарь научился чарующей, мягкой, вкрадчивой речи и привлекательной обходительности в обращении, благодаря которым впоследствии он повсюду пользовался всеобщим расположением».

В 88 г. началась гражданская война: Рим разделился на популяров — сторонников Марии, и оптиматов — тех, кто поддерживал Суллу и сенат. Во времена распри старинная фамилия Цезарей оказалась между двух огней. Власть в Риме захватили люди Марии и Цинны, горевшие ненавистью к представителям старинных патрицианских родов; не послужило защитой даже то, что женой Гая Мария была Юлия — родная тетка нашего Цезаря. Почувствовавшая запах крови и безнаказанности чернь убила братьев: Гая Юлия Цезаря Страбона и Луция Юлия Цезаря, бывшего консулом в 90 г. Уничтожались лучшие из лучших.

Даже в храмах не было спасения недавним хозяевам жизни. Консул 87 г. Луций Корнелий Мерула, «который к приходу Цинны сложил с себя консульскую власть, вскрыл себе вены и, обливая кровью алтари, стал возносить молитвы о проклятии Цинны и его при-

верженцев тем богам, которым, будучи фламинем Юпитера, молился о благе отечества; так завершил он жизнь, полную заслуг перед государством» (Веллей).

Однако подрастающий Гай Юлий пользовался личным покровительством Мария на правах близкого родственника и даже благодаря репрессиям получил первую в жизни должность, — почетную и весьма высокую. Дело в том, что фламины Юпитера могли быть только патриции, — такая у них осталась последняя привилегия; однако почти все они оказались уничтоженными популярами, тем, что повезло больше — бежали к Сулле в Грецию. Култ, оскверненный к тому же кровью консула, некому стало обслуживать, и Марий назначает тринадцатилетнего Цезаря фламином верховного римского бога — Юпитера.

Довольно в юном возрасте Цезарь вступил в брак (по крайней мере, ему не было 18 лет) с дочерью одного из вождей популяров — Цинны. Вскоре Корнелия родила ему дочь Юлию. Так у Цезаря удачно начала складываться карьера, и с личной жизнью было все в порядке. Однако бесстрашный Сулла высадился в Италии и в нескольких сражениях разгромил популяров; Марий умер еще в 86 г., а тестя Цезаря — Цинну — убили собственные легионеры.

К власти пришла партия сената — та, к которой принадлежал Цезарь по праву рождения, но теперь для победителей он стал чужаком. Карьера, столь бурно начавшаяся, внезапно остановилась. Да что карьера! Едва самой жизни не лишился молодой Цезарь, волею судьбы оказавшийся во враждебном лагере. Ведь оптиматы расправлялись с марианцами отнюдь не с меньшей жестокостью, чем недавно расправлялись с ними.

Сулла лишил 18-летнего Цезаря жреческого сана, отобрал приданное его жены и приказал развестись с Корнелией. В те смутные времена многие оказались связанными брачными узами с представителями враждебных лагерей, но даже верный сторонник диктатора — Помпей — не осмелился ему возразить. Он послушно развелся с обожаемой Антистией и взял в жены падчерицу Суллы, Эмилию, которая была в это время замужем и уже беременна. И лишь от упрямого юноши Сулла не смог добиться развода с Корнелией.

За непослушание, по словам римского историка Светония, Цезарь «был причислен к противникам диктатора и даже вынужден скрываться. Несмотря на мучившую его лихорадку, он должен был почти каждую ночь менять убежище, откупаясь деньгами от сыщиков, пока, наконец, не добился себе помилования с помощью девственных весталок и своих родственников и свойственников...»

Сулла долго отвечал отказами на просьбы своих преданных и видных приверженцев, а те настаивали и упорствовали; наконец, Сулла сдался, но воскликнул, повинувшись то ли божественному внушению, то ли собственному чутью:

— Ваша победа, получайте его! Но знайте: тот, о чьем спасении вы так стараетесь, когда-нибудь станет погибелью для дела оптиматов, которое мы с вами отстаивали: в одном Цезаре таится много Мариев!»

После такого прощенья жизнь Цезаря всецело зависела от настроения диктатора, безжалостно истребившего всех, кто был связан родственными узами с Марием и Цинной. Юноша не осмелился появляться в Риме; некоторое время он скрывался на землях италийского народа сабинян.

Гай Юлий в детстве и юности отличался слабым здоровьем, а удары судьбы и скитальческая жизнь вызывали новые и новые болезни. Позже в неимоверно трудных походах Цезарь закалит свое тело и не будет уступать легионерам-ветеранам ни в чем, а пока... «Однажды, — рассказывает о злоключениях юноши Плутарх, — когда он занемог и его переносили из одного дома в другой, он наткнулся ночью на отряд сулланских воинов, осматривавших эту местность, чтобы задерживать всех скрывающихся. Дав начальнику отряда Корнелию два таланта, Цезарь добился того, что был отпущен, и тотчас, добравшись до моря, отплыл в Вифинию, к царю Никомеду».

3. История с Никомедом

В Азии девятнадцатилетний Цезарь начал военную службу в свите претора Марка Терма. Последний направил его к царю Вифинии Никомеду для получения флота.

В Вифинии Цезарь задержался на некоторое время, и эта заминка дала повод для сплетен. «Он часто общался с царем Вифинии Никомедом и этим создал себе дурную славу безнравственного человека», — сообщает Аврелий Виктор. Впрочем, этот автор и ограничивается одной фразой; главный же обвинитель — Гай Светоний Транквилл. Заметим, что Аврелий Виктор жил в 4 в. н. э., а годы жизни Светония исследователи определили следующими рамками — ок. 70 — после 122 гг. н. э. Виктор несомненно был знаком с трудом своего предшественника и пользовался его сведениями.

Итак, что же пишет Светоний относительно посещения Цезарем Вифинии?

«Тогда и пошел слух, что царь растлил его чистоту; а он усугубил этот слух тем, что через несколько дней опять поехал в Вифинию под предлогом взыскания долга, причитавшегося одному его клиенту-вольнотпущеннику».

В общем, и Светоний дает информацию на уровне слухов, однако спустя несколько глав этот большой любитель сплетен решил посмаковать горячую тему. Неожиданно он даже представляет свидетелей в таком интимном и презируемом римлянами деле:

«На целомудрии его единственным пятном было сожительство с Никомедом, но это был позор тяжкий и несмываемый, навлекший на него всеобщее поношение. Я не говорю о знаменитых строках Лициния Кальва:

*...и все остальное,
Чем у вифинцев владел Цезарев задний дружок.*

Умалчиваю о речах Долабеллы и Куриона старшего, — продолжает клеймить позором Цезаря разошедшийся Светоний, — в которых Долабелла называет его «царевой подстилкой» и «царицыным разлучником», а Курион — «злачным местом Никомеда» и «вифинским блудилищем». Не говорю даже об эдиктах Бибула, в которых он обзывает своего коллегу вифинской царицей и заявляет, что раньше он хотел царя, а теперь царства; в то же время, по словам Марка Брута, и некий Октавий, человек слабоумный и потому невоздержанный на язык, при всем народе именовал Помпея царем, а Цезаря величал царицей... А Цицерон описывал в некоторых своих письмах, как царские служители отвели Цезаря в опочивальню, как он в пурпурном одеянии возлег на золотом ложе, и как растлен был в Вифинии цвет юности этого потомка Венеры; мало того, когда однажды Цезарь говорил перед сенатом в защиту Нисы, дочери Никомеда, и перечислял все услуги, оказанные ему царем, Цицерон его перебил: «Оставим это, прошу тебя: всем отлично известно, что дал тебе он и что дал ему ты!» Наконец, во время галльского триумфа его воины, шагая за колесницей, среди других насмешливых песен распевали и такую, получившую широкую известность:

*Галлов Цезарь покоряет, Никомед же Цезаря;
Нынче Цезарь торжествует, покоривший Галлию, —
Никомед не торжествует, покоривший Цезаря».*

Что касается последней песенки, то у римлян существовала древняя традиция — распевать насмешливые и даже оскорбительные стихи о триумфаторе с определенными целями: во-первых, чтобы не сглазить победу, чтобы не отвернулась удача от победителей, во-вторых, чтобы не зазнавался триумфатор.

Заметим, что все упоминаемые «свидетели обвинения» являлись врагами Цезаря — в них, как у всякого великого человека, у Гая Юлия не было недостатка. Не в силах его сломить, недруги использовали любой повод, чтобы оклеветать. Единственное, что могло утешить Цезаря, — подобного обвинения не избежали самые сильные мира сего — Александр Македонский, Гамилкар; о римских императорах разговор особый.

Далее Светоний опровергает сам себя, рассказывая о душевных и физических пристрастиях Цезаря, в которых нет места нетрадиционной сексуальной ориентации:

«На любовные утехы он, по общему мнению, был падок и расточителен. Он был любовником многих знатных женщин — в том числе Постумии, жены Сервия Сульпиция, Лолии, жены Авла Габиния, Тертуллы, жены Марка Красса, и даже Муции, жены Гнея Помпея...

Это далеко не полный перечень любовных походов самого знаменитого римлянина. «И в провинциях он не отставал от чужих жен: это видно хотя бы из двестишья, которое также распевали воины в галльском триумфе:

*Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника.
Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии.*

Среди его любовниц были и царицы — например, мавританка Эвноя, жена Богуда: и ему и ей, по словам Назона, он делал многочисленные и богатые подарки. Но больше всех он любил Клеопатру...

Власть сильно меняет людей, причем, не в лучшую сторону. На вершине могущества обнажаются пороки, тщательно скрываемые людьми, над которыми тяготели какие-либо обстоятельства; абсолютная власть не только поощряет, но и провоцирует порочность, безнаказанную преступность. Можно привести несколько примеров из того же Светония.

Довольно много пикантных подробностей имеется в биографии императора Тиберия: «На Капри, оказавшись в уединении, он дошел до того, что завел особые постельные комнаты, гнезда потаенного разврата. Собранные толпами отовсюду девки и мальчишки — среди них были те изобретатели чудовищных сладострастий, которых он называл «спинтриями» — наперебой совокуплялись перед ним по трое, возбуждая этим зрелищем его угасящую плоть...

Но он пылал еще более гнусным и постыдным пороком: об этом грешно даже слушать и говорить, но еще труднее этому поверить. Он завел мальчиков самого нежного возраста, которых называл своими рыбками и с которыми он забавлялся в постели. К похоти такого рода он был склонен и от природы и от старости... Говорят, даже при жертвоприношении он однажды так распалился на прелесть мальчика, несшего кадильницу, что не мог устоять, а после обряда чуть ли не тут же отвел его в сторону и растлил, а заодно и брата его, флейтиста; но когда они после этого стали попрекать друг друга бесчестьем, он велел перебить им голени».

Признанным виртуозом по части всевозможнейших мерзостей был, несомненно, Нерон. Этот император до того пресытился обычными людскими пороками, что стремился совершить непревзойденную гнусность, каких еще не знала история:

«Мало того, что жил он и со свободными мальчиками и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку Рубрию. С вольноотпущенницей Актой он чуть было не вступил в законный брак, подкупив несколько сенаторов консульского звания поклясться, будто она из царского рода.

Мальчика Спора он сделал евнухом и даже пытался сделать женщиной: он справил с ним свадьбу со всеми обрядами, с приданным и с факелом, с великой пышностью ввел его в свой дом и жил с ним как с женой. Еще памятна чья-то удачная шутка: счастливы были бы люди, будь у Неронова отца такая жена! Этого Спора он одел, как императрицу, и в носилках

возил его с собою и в Греции по собраниям и торжищам, и потом в Риме по Сигиллариям, то и дело его целуя.

Он искал любовной связи даже с матерью, и удерживали его только ее враги, опасаясь, что властная и безудержная женщина приобретет этим слишком много влияния. В этом не сомневался никто, особенно после того, как он взял в наложницы блудницу, которая славилась сходством с Агриппиной; уверяют даже, будто разъезжая в носилках вместе с матерью, он предавался с нею кровосмесительной похоти, о чем свидетельствовали пятна на одежде. А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неоскверненным. В довершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору: за этого Дорифора он вышел замуж, как за него — Спор, крича и вопя как насилюемая девушка».

Цезарь тоже много позволял себе, когда не стало соперников в борьбе за власть над Римом. И даже раньше..., еще шла кровавая гражданская война, а пылкий Гай Юлий, позабыв обо всем на свете, проводит несколько месяцев у ног обожаемой Клеопатры. Но египетская царица не была мужчиной. Никогда более Цезарь не проявил и намеком влечения к мужчинам, кроме сомнительного случая с Никомедом.

Однако вернемся к юному воспитаннику Аврелии, который скрывался от гнева всемогущего Суллы в Азии. Цезарь не был в положении загнанного в непролазные дебри зайца. В Азии изнеженный болезненный юноша проявил себя как настоящий мужчина-воин. При взятии Митилен он получил из рук Марка Терма свою первую боевую награду — дубовый венок (им награждался тот, кто в битве спас жизнь римского гражданина).

Затем Гай Юлий служил в Киликии под началом Публия Сервилия Исаврийского. Этот район был одним из самых опаснейших в Азии; здесь зародилось организованное пиратское братство, которое в скором времени станет обладать Средиземным морем, полностью парализует торговлю и будет держать в страхе все побережье. Чуть позже Цезарь лично столкнется с морскими джентльменами удачи.

В Киликии Цезарь пробыл недолго — в 78 г. пришло известие о смерти Суллы, и двадцатидвухлетний изгнанник вернулся в Рим.

4. Уроки риторики на пиратском корабле

А в Риме назревала новая смута; новый пожар братоубийственной войны упорно пытался разжечь Марк Эмилий Лепид, которого Сулла назвал в свое время «отъявленным негодяем». Собственно, этому искателю приключений ничего более не оставалось предпринять для собственного спасения: будучи наместником Сицилии, он дочиста ограбил богатейший остров и теперь ему грозил суд.

Марку Лепид желал видеть в числе своих сторонников Гая Юлия Цезаря и, согласно Светонию, «прельщал его большими выгодами», но получил отказ. Отказался Цезарь не из страха, но потому, что «его разочаровал как вождь, так и само предприятие, которое обернулось хуже, чем он думал». Мятежников довольно скоро разгромил Помпей, несмотря на то, что Лепиду удалось подчинить большую часть Италии. «Отъявленный негодяй» бежал на Сицилию; «там он занемог и умер, совершенно упав духом, но не из-за крушения своего предприятия, — сообщает Плутарх, — а потому что ему случайно попало письмо, из которого он узнал о неверности своей жены». Вот каким простым способом Италия избавилась от новой гражданской войны!

Цезарь с детства мечтал о славе и власти, но стремился (по крайней мере, в юности) обрести их законным путем, пусть даже длинным и требовавшим много усилий. Он занялся тем, с чего начинало большинство римлян, желавших получить известность среди граждан и добиться выборных должностей: судебными тяжбами. Именно в судах совершенствовалось красноречие будущих римских консулов, а успешное завершение громких дел гарантировало им голоса избирателей.

Впрочем, юноша выбрал орешек явно не по своим зубам. Он обвинил в вымогательствах в провинции бывшего консула и триумфатора Корнелия Долабеллу. Консуляра оправдали, а Цезарь нажил себе влиятельных врагов из числа друзей Долабеллы. Начинаящий оратор не впал в отчаянье — напротив, он решил достичь совершенства в искусстве, которое было необходимо политику. С юных лет воспитанник Аврелии не привык проигрывать: он мог временно отступить, что бы затем взять блестящий реванш; и чем труднее дело, тем интереснее было закончить его успешно.

Гай Юлий Цезарь отправляется на остров Родос, чтобы взять уроки у самого знаменитого в те времена учителя красноречия Аполлония Молона. Причем, отправился он немедленно, хотя стояла зима, и Средиземное море считалось в эту пору закрытым для мореплавания из-за частых штормов.

Корабль Цезаря миновали жестокие морские бури, но другая напасть обрушилась на него возле острова Фармакусса в Эгейском море и надолго лишила его возможности брать уроки красноречия, но не давать их...

Римляне настолько увлеклись решением своих проблем в братоубийственных войнах, что не заметили, как потеряли Средиземное море. Новый противник возник буквально ниоткуда, но его появление было закономерным. Активность пиратов всегда возрастала, когда непрочной становилась законная власть, когда государства втягивались в гражданские, либо тяжелые внешние войны. Когда все плохо и непрочное и появляется множество любителей рыбной ловли в мутной воде.

Римляне с ужасом обнаружили себя отрезанными от внешнего мира морем, которое было для них дорогой в Грецию, Азию, Африку. Торговля оказалась полностью парализованной: римляне голодали, а в заморских провинциях сокращались посевные площади из-за невозможности сбыта выращенного урожая. Некоторые купцы с риском для жизни отправ-

лялись в плавание во время зимних бурь, но, как оказалось, и пираты не дожидались хорошей погоды в прибрежных бухтах.

«Могущество пиратов зародилось сперва в Киликии, — рассказывает Плутарх. — Вначале они действовали отважно и рискованно, но вполне скрытно. Самоуверенными и дерзкими они стали только со времени Митридатовой войны, так как служили матросами у царя. Когда римляне в пору гражданских войн сражались у самых ворот Рима, море, оставленное без охраны, стало мало-помалу привлекать пиратов и поощряло их на дальнейшие предприятия, так что они не только принялись нападать на мореходов, но даже опустошали острова и прибрежные города. Уже многие люди, состоятельные, знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почет. Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни. Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла».

Кстати, и Луций Сулла, не имея собственного флота, пользовался услугами пиратов во время морских операций. Однако после смерти этого единственного из римлян, мог заставить себе служить даже флибустьеров, морские разбойники уже никому не подчинялись. Митридат, также использовавший пиратов в качестве наемников, был разбит Суллой и отброшен от Средиземного моря вглубь Азии.

Степень организованности пиратов можно оценить по выводам немецкого историка Теодора Моммзена. Уж очень их сообщество напоминает сицилийскую мафию. Не в том ли далеком времени ее корни?

«Весь характер пиратства совершенно изменился, — рассуждает Моммзен. — Это уже не были дерзкие разбойники, вживавшиеся в критских водах, между Киреной и Пелопоннесом («Золотое море» на языке флибустьеров), свою дань на большом пути итало-восточной торговли рабами и предметами роскоши; это не были также вооруженные ловцы рабов, в равной мере занимавшиеся «войной, торговлей и морским разбоем»: это было государство корсаров со своеобразным духом солидарности, с прочной и весьма солидной организацией; они имели собственное отечество и начатки симмахии и, несомненно, также определенные политические цели.

Эти флибустьеры называли себя киликийцами; на самом же деле на их судах встречались отчаянные искатели приключений всех национальностей: отпущенные наемные солдаты, вербовавшиеся на Крите, граждане разрушенных в Италии, Испании и Азии городов, солдаты и офицеры войск Фимбрии и Сертория, вообще опустившиеся люди всех наций, преследуемые беглецы всех потерпевших поражение партий, все, что было несчастно и смело, — а где не было горя и преступления в это страшное время? Это уже не была сбежавшая воровская банда, а замкнутое военное государство; национальность заменялась здесь масонской связью гонимых и злодеев, а преступление, как это нередко бывает, покрывалось самым высоким чувством товарищества.

В это разнузданное время, когда трусость и неповиновение ослабили все социальные связи, законно существовавшие союзы могли бы взять пример с этого незаконнорожденного государства, основанного на нужде и насилии; казалось, что только здесь сохранились еще безусловная солидарность, товарищеский дух, верность данному слову и признанным вождам, храбрость и ловкость. Если на знамени этого государства была написана месть гражданскому обществу, которое по праву или несправедливо исключило из своей среды его членов, то можно было поспорить, был ли этот лозунг намного хуже девиза итальянской олигархии или восточного султанизма, готовившихся, казалось, поделить мир между собой.

Сами корсары считали себя, по меньшей мере, равноправными всякому законному государству.

Множество рассказов, полных истинного духа флибустьеров, буйного веселья и бандитского рыцарства, сохранили следы их разбойничьей гордости и пышности и их воровского юмора. Они считали, что ведут правую войну со всем миром, и были горды этим; то, что они при этом приобретали, они называли не награбленным, а военной добычей, и так как пойманного пирата в любой римской гавани ожидала смерть на кресте, то они считали себя вправе казнить всех своих пленных.

Их военно-политическая организация особенно упрочилась со времен войны с Митридатом. Их суда — по большей части «мышинные лады, т. е. небольшие открытые быстроходные парусные барки, и лишь изредка двух- и трехпалубные корабли — плавали теперь, соединившись в настоящие эскадры, под командой адмиралов, барки которых блестели золотом и пурпуром.

Ни один пиратский капитан не отказывал в просимой помощи товарищу, которому угрожала опасность, хотя бы он ему был совершенно незнаком; договор, заключенный с кем-нибудь из их среды, беспрекословно признавался всей шайкой, но и за причиненную кому-либо из них несправедливость мстили все. Настоящей родиной их было море от Геркулесовых столбов до сирийских и египетских вод; убежище же, в котором они нуждались на суше для себя и для своих плавающих домов, им гостеприимно предоставляли мавританское и далматинское побережье, остров Крит, а прежде всего — богатый мысами и убежищами южный берег Малой Азии, господствовавший над главным путем морской торговли того времени и почти совершенно лишенный хозяина».

Но, конечно, настоящим домом пиратов был корабль, и они украшали это свое жилище так, что оно могло соперничать с дворцами царей и домами самых богатых римлян. Вот только жили пираты гораздо веселее, и с сокровищами обращались менее щепетильно. «Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставляя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро весла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями, — делится впечатлениями Плутарх. — Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, — все это являлось позором для римского владычества.

Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до четырехсот городов. Они разграбили много неприкосновенных до того времени святилищ... Сами пираты справляли в Олимпе странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор еще имеют распространение таинства Митры, впервые введенные ими.

Чаще всего пираты совершали злодеяния против римлян; высаживаясь на берег, они грабили на больших дорогах и разоряли имения вблизи моря. Однажды они похитили и увезли с собой даже двух преторов, Секстилия и Беллина — в окаймленных пурпуром тогах, со слугами и ликторами. Они захватили также дочь триумфатора Антония, когда она отправлялась в загородный дом; Антонию пришлось выкупить ее за большую сумму денег».

Наглости пиратов не было предела, равно как не знала границ их изобретательность в поисках развлечений на тесной бандитской посудине. Любопытный образчик их черного юмора описывает Плутарх:

«Когда какой-нибудь пленник кричал, что он римлянин, и называл свое имя, они, притворяясь испуганными и смущенными, хлопали себя по бедрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им, видя их униженные просьбы. Затем одни надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не ошибиться. Вдоволь поиздевавшись над ним таким образом и насладившись его муками, они, наконец,

спускали среди моря сходни и приказывали высаживаться, желая счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его сталкивали за борт и топили».

К этому развеселому народу Цезарь и попал в плен. Пираты получили большое удовольствие от общения с ним; такие узники им еще не попадались!

Когда морские разбойники потребовали с Цезаря выкуп в двадцать талантов, он рассмеялся, заявив, что они не знают, кого захватили в плен, и сам предложил дать им пятьдесят талантов. На первый взгляд эта непонятная щедрость кажется глупым бахвальством, тем более что у юноши не было и двадцати талантов. Однако пираты могли и не польститься на малую сумму, а предпочесть отправить пленников на корм рыбам или продать в рабство.

Видимо Цезарь был наслышан о пиратских забавах и поэтому смело включился в игру. «Разослав своих людей в различные города за деньгами, он остался среди этих свирепых киликийцев с одним только другом и двумя слугами; несмотря на это, он вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели. Тридцать восемь дней пробыл он у пиратов, ведя себя так, как если бы они были его телохранителями, а не он их пленником, и без малейшего страха забавлялся и шутил с ними» (Плутарх).

Цезарь понимал, что страх его не спасет, но погубит, — даже собака не осмелится напасть на человека, если не прочтет в его глазах ужас. Однако он прекрасно осознавал свое положение и не чуждался некоторых мер предосторожности. «Никогда, ни днем, ни ночью, — рассказывает Веллей Патеркул, — он не снимал ни обуви, ни одежды, конечно, для того, чтобы изменением привычного облика не вызвать подозрения у тех, кто стерег его, не сводя с него глаз».

Поездка на Родос откладывалась на неопределенное время, но пленение, по мнению Цезаря, не было препятствием для того, чтобы оставить заботу о своем красноречии. Этот человек никогда не терял присутствие духа и не впадал в панику; из любой ситуации (даже неприятной и трагической) он извлекал пользу и не тратил напрасно ни минуты. Юноша упорно продолжал заниматься риторикой, и не беда, что его слушателями были не сенаторы, и не знаменитые ораторы, могущие по достоинству оценить стиль речи.

«Он писал поэмы и речи, декламировал их пиратам и тех, кто не выражал своего восхищения, называл в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая повесить их. Те же охотно выслушивали эти вольные речи, видя в них проявление благодушия и шутливости» (Плутарх).

Наконец Цезаря выкупили на общественные деньги малоазийских городов, перед этим он добился, чтобы пираты вернули городам захваченных заложников. И вот Гай Юлий живой и невредимый, но бедный вступает на азиатский берег. Особенно некстати появился долг в пятьдесят талантов. Ведь Цезарь мечтал заняться политической деятельностью, а чтобы получить даже низшую выборную должность требовались немалые средства. (Избалованные римляне успели привыкнуть, что их голоса превратились в товар, предпочтение граждан зависело от щедрот кандидата на должность, а вовсе не от его способностей и горячего желания принести пользу родине.) И до пленения Цезарь был далеко не богачом: его имущество (по крайней мере, приданное жены) оказалось конфискованным Суллой.

Молодой Цезарь проблему безденежья решает кардинально и просто: он замысливает ограбить грабителей. Затея чрезвычайно опасная (мы уже обрисовали в общих чертах могущество пиратов). Кроме того, морское сражение существенно отличается от сухопутного — здесь побежденный не отступает или спасается бегством, но чаще всего идет ко дну. Сражаться предстояло с профессионалами своего дела, на плен и последующий выкуп рассчитывать также не приходилось, — пираты не простят подобной наглости. Но Цезарь, накануне отказавшийся встать под знамя Лепида, без раздумий отважился на более опасную авантюру.

Впрочем, надеялся Гай Юлий не только на удачу: во время заточения он прекрасно изучил повадки своих тюремщиков, оснащение их кораблей и прочие подробности, которые могли пригодиться в битве.

Будучи частным человеком, Цезарь воодушевляет моряков Милета рассказами о несметных сокровищах на пиратских кораблях и на следующий день после освобождения из плена выходит в море во главе небольшого флота. Пираты стояли на якоре недалеко от острова, где им попала зная веселая добыча. На этот раз Цезарь не имел намерения декламировать разбойникам свои речи, он внезапно напал на пиратские суда, которые даже не успели приготовиться для боя. Согласно Веллею Патеркулу, флот морских разбойников был весьма приличный: «часть их флота он обратил в бегство, часть пустил ко дну, а несколько кораблей и множество людей захватил; радуясь этой ночной экспедиции, он с триумфом возвратился к своим...»

Захваченные сокровища и собственный выкуп Цезарь взял себе, а пленных пиратов заключил в тюрьму в Пергаме. «Сам он отправился к Юнку, наместнику Азии, считая, что тому, как претору, надлежит наказать взятых в плен пиратов, — описывает дальнейшие действия Цезаря Плутарх. — Однако Юнк, смотревший с завистью на захваченные деньги (ибо их было немало), заявил, что займется рассмотрением дела пленников, когда у него будет время».

Наместник Азии вместо того, чтобы бороться против морских разбойников, решил заработать на плодах чужой победы. Всех пленных Юнк намеревался продать на рабском рынке. Тогда Цезарь распрощался с наместником и «с невероятной быстротой» вернулся в Пергам, прежде чем туда могли дойти какие-либо указания Юнка. Он приказал вывести пиратов из тюрьмы и всех до единого распять на крестах.

5. Добиться известности: путь Цезаря

После долгих невероятных приключений Гай Юлий Цезарь наконец достиг Родоса. В знаменитой школе Аполлония, сына Молона, юный герой учился недолго. Некоторые обстоятельства изменили его планы, и, собственно, Гая Юлия не прельщали лавры блестящего оратора.

«Цезарь, как сообщают, и от природы был в высшей степени одарен способностями к красноречию на государственном поприще и ревностно упражнял свое дарование, — рассказывает Плутарх о некоторых способностях и особенностях характера Цезаря, — так что, бесспорно, ему принадлежало второе место в этом искусстве; однако первенствовать в красноречии он отказался, заботясь больше о том, чтобы стать первым благодаря власти и силе оружия; будучи занят военными и гражданскими предприятиями, с помощью которых он подчинил себе государство, он не дошел в ораторском искусстве до того предела, который был ему указан природой. Позднее в своем произведении... он сам просил не сравнивать это слово воина с искусной речью одаренного оратора, посвятившего много времени усовершенствованию своего дара».

С Плутархом солидарен и Тацит:

«Разумеется, мы простим Гаю Цезарю, что вынашивая великие замыслы и постоянно погруженный в дела, он достиг в красноречии меньшего, чем от него требовал его божественный гений».

Цезарь, ни мгновенья не раздумывая, покинул Родос, как только рядом появилась «горячая точка»: понтийский царь Митридат опять вторгся в римскую провинцию. «Чтобы не показаться безучастным к бедствиям союзников, Цезарь... переправился в Азию, собрал вспомогательный отряд и выгнал из провинции царского военачальника, удержав этим в повиновении колеблющиеся и нерешительные общины» (Светоний).

Молодой Гай Юлий достиг огромной популярности в Азии; он смог, будучи частным человеком, собрать флот и войско; но как Париж был мечтой честолюбивого гасконца из знаменитого произведения Дюма, так и карьера любого римлянина начиналась в Риме. Именно там можно было получить первую выборную должность — первую ступеньку к власти и славе.

Гай Юлий больше не вернется на Родос, но прежде, чем отправиться в Италию он решил применить полученные на острове знания. В Греции он привлек к суду по обвинению во взяточничестве Публия Антония. Кроме прочего, своими действиями он желал отблагодарить греков за усердную помощь в борьбе с пиратами и войском Митридата. «Цезарь так энергично повел дело, что Антоний обратился с жалобой к народным трибунам в Рим, ссылаясь на то, что в Греции он не находится в равном положении с греками» (Плутарх).

Весьма любопытны подробности возвращения Цезаря в Рим, описанные Веллеем Патеркулом:

«Он поспешил в Италию и, чтобы его не заметили пираты, державшие тогда в своих руках все моря, а их враждебное отношение к себе он заслужил, пересек очень широкий залив Адриатического моря на четырехвесельном судне вместе с двумя друзьями и десятью рабами. Заметив во время плаванья, как ему показалось, пиратские корабли, он разделся и привязал к бедру кинжал, готовый к любому повороту судьбы, но вскоре понял, что это обман зрения: издали он принял деревья за мачты и реи».

Цезарь отдавал себе отчет, что он поднял руку на могущественную организацию, и не только вполне справедливо опасался мести со стороны властителей моря, но и принял все

меры предосторожности. Героизм Гая Юлия обдуманый и взвешенный: он не бросается с головой в любую опасность, подобно Александру Македонскому. Цезарь смел, но не безрассуден.

Если римляне, о которых знает весь мир — Сулла, Марий — добились известности благодаря громким победам, то Цезарь пока не имел возможности совершить подобное, — его успехи в Азии вызывали восхищение у тамошних греков и провинциалов-соотечественников, но для Рима, воевавшего со всем миром, значили немного. Цезарю приходилось начинать карьеру практически с «нуля», и он упорно завоевывал симпатии граждан делами на первый взгляд незначительными, не упуская при этом ни малейшей возможности заявить о себе.

«В самом Риме Цезарь, благодаря своим красноречивым защитительным речам в судах, добился блестящих успехов, а своей вежливостью и ласковой обходительностью стяжал любовь простонародья, ибо он был более внимателен к каждому, чем можно ожидать в его возрасте, — рассказывает Плутарх. — Да и обеды, пиры и вообще блестящий образ жизни содействовали постепенному росту его влияния в государстве. Сначала завистники Цезаря не обращали на это внимания, считая, что он будет забыт сразу же после того, как иссякнут его средства. Лишь когда было поздно, когда эта сила уже так выросла, что ей трудно было что-либо противопоставить, и направилась прямо на ниспровержение существующего строя, они поняли, что НЕЛЬЗЯ СЧИТАТЬ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМ НАЧАЛО НИ В КАКОМ ДЕЛЕ. То, что не пресечено в зародыше, быстро возрастает, ибо в самом пренебрежении оно находит условия для беспрепятственного развития».

Напрасно ждали многие, пока у Цезаря закончатся деньги, с помощью которых он ублажал толпу. Они, конечно, закончились, но Гай Юлий влез в долги и остался верен своей тактике. Теперь даже его непомерные долги принесли Цезарю больше известности, чем великолепные победы в Азии.

Любимым зрелищем плебеев являлись гладиаторские бои, римская толпа была исполнена благодарности к каждому, кто баловал ее подобными зрелищами. «Толпа тем охотнее следовала агитации, что Гай Цезарь, — делает выводы Моммзен, — поддерживал в ней хорошее настроение безумной роскошью своих игр, где вся утварь, даже клетки диких зверей, были из массивного серебра, и вообще своей щедростью, не знавшей никаких границ именно потому, что она была целиком основана на долгах».

По словам Плутарха, знаменитый римский оратор Цицерон «был первым, кто считал подозрительной и внушающей опасения деятельность Цезаря, по внешности спокойную, подобно гладкому морю, и распознал в этом человеке смелый и решительный характер, скрывающийся под маской ласковости и веселости. Он говорил, что во всех помыслах и образе действий Цезаря он усматривает тиранические намерения. «Но, — добавлял он, — когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем, мне всегда кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя».

Первым результатом, как все считали, бессмысленного капиталовложения Цезаря явилась должность военного трибуна. Причем, Гай Юлий был избран большим числом голосов, чем его товарищ — Гай Помпилий. Подобная технология была непонятна древним, но современные профессионалы пиара и рекламы могут с полным основанием считать Цезаря своим идейным отцом.

Цезарь тут же не замедлил отблагодарить избирателей: он приложил много усилий для восстановления плебейского института народных трибунов, — их права были урезаны при Сулле.

«Щедро расточая свои деньги и покупая, казалось, ценой величайших трат краткую и непрочную славу, в действительности же стяжая величайшие блага за дешевую цену, он, как говорят, прежде чем получить первую должность, имел долгов на тысячу триста талантов. Назначенный смотрителем Аппиевой дороги, он издержал много собственных денег, затем, будучи эдилом, выставил триста двадцать пар гладиаторов, а пышными издержками на театры, церемонии и обеды затмил всех своих предшественников. Но и народ, со своей стороны, стал настолько расположен к нему, что каждый выискивал новые должности и почести, которыми можно было вознаградить Цезаря» (Плутарх).

После военного трибуната Цезарь получил должность квестора и вместе с ней назначение в Дальнюю Испанию. В ту пору ему было 33 года. Чем Цезарь занимался в провинции? Согласно Светонию он печалился о своей горькой судьбе:

«Там он, по поручению претора объезжая однажды для судопроизводства общинные собрания, прибыл в Гадес и увидел в храме Геркулеса статую Великого Александра. Он вздохнул, словно почувствовав отвращение к своей бездеятельности, — ведь он не совершил еще ничего достопамятного, тогда как Александр в этом возрасте уже покори́л мир, — и тотчас стал добиваться увольнения, чтобы затем в столице воспользоваться первым же случаем для более великих дел.

На следующую ночь его смутил сон, — ему привиделось, будто он насилует собственную мать; но толкователи еще больше возбудили его надежды, заявив, что сон предвещает ему власть над всем миром, так как мать, которую он видел под собой, есть не что иное, как земля, почитаемая родительницей всего живого».

И действительно, подобное толкование содержится в соннике Артемидора Далдианского (2 в. н. э.): «Совокупление с матерью... для демагога и политика — добрый знак, ибо мать означает отечество».

Цезарь оставляет весьма почетную должность в Дальней Испании и направляется в Рим.

6. Реставрация демократии или подготовка переворота

Не сразу понятно, зачем так спешил Цезарь в Рим. Ведь в 33 года ему не на что было рассчитывать: согласно возрастному цензу должность эдила мог занять гражданин, которому шел или исполнился 37-й год, на 40-м году жизни можно только быть избранным претором, и наконец, предел мечтаний — должность консула — получали римляне минимум на 43-м году жизни.

Вероятно, у Цезаря был свой план повторения пути Александра Македонского. Некоторые детали проекта просматриваются уже во время пути из Дальней Испании в Вечный город (т. е. Рим). Гай Юлий следовал через латинские колонии и на некоторое время там задержался. Дело в том, что у латинов были очень сложные отношения с сюзереном, — они требовали прав римского гражданства, но Рим весьма дорожил это правом и не намерен был раздавать его даже италийским соседям. Совсем недавно (90–88 гг.) отгремела кровавая гражданская война, получившая наименование союзнической. Вот он величайший парадокс! Римские союзники сражались с Римом не за право на свободную жизнь, но за право именоваться римлянами и считаться гражданами города, когда-то их покорившего.

Марий и Сулла залили кровью общины союзников, но так и не убили желания получить желанное римское гражданство. И вовсе не случайно Цезарь задержался в местах, являвшихся горячим материалом для новых бунтов. «Несомненно, он склонил бы их на какой-нибудь дерзкий шаг, если бы консулы, опасаясь этого, не задержали на время отправку набранных для Киликии легионов», — таков вывод Светония.

Что ж, Цезарь, как ни в чем ни бывало, появляется в Риме, но тут у него возникли серьезные семейные проблемы: умирают тетка Юлия и жена Корнелия.

Тетка Цезаря, как мы ранее заметили, приходилась женой Гаю Марию — вождю партии популяров, которую впоследствии разгромил Сулла. Демократы были побеждены в сражении, частью перебиты, частью находились в бегах, частью затаились, но их идеи жили и поныне. Плебеи боготворили Мария и помнили, как они являлись хозяевами положения в стране, как безнаказанно расхищали имущество потомственной аристократии, а сенаторам и бывшим консулам рубили головы.

Ничто не вызывает больший восторг черни, как неприятности лучших людей! Ностальгия толпы по сладостным временам немного успокоилась, пока властвовал скорый на расправу Сулла. Теперь, когда всесильный диктатор умер, Цезарь решил проверить, насколько живы в сознании народа идеи Мария, и можно ли их использовать в качестве знамени. Расчетливый Цезарь провел свой первый эксперимент, используя смерть тетушки Юлии. Не преминул указать народу, что он сам является весьма достойным гражданином:

Цезарь произнес похвальную речь в честь умершей матроны, — подобная процедура вполне соответствовала римской традиции. «В речи над Юлией он, между прочим, — рассказывает Светоний, — так говорит о предках ее и своего отца: «Род моей тетки Юлии восходит по матери к царям, по отцу же к бессмертным богам: ибо от Анка Марция происходят Марции-цари, имя которых носила ее мать, а от богини Венеры — род Юлиев, к которому принадлежит и наша семья. Вот почему наш род облечен неприкосновенностью, как цари, которые могуществом превыше всех людей, и благоговением, как боги, которым подвластны и самые цари».

Во время погребения тетки Цезарь решился на неслыханное дело. «Он не только произнес на форуме блестящую похвальную речь умершей, но и осмелился выставить во время похорон изображения Мария, которые были показаны впервые со времени прихода к власти Суллы, так как Марий и его сторонники были объявлены врагами государства. Некоторые подали голос против этого поступка, но народ криком и громкими рукоплесканиями показал

свое одобрение Цезарю, который спустя столь долгое время как бы возвращал честь Мария из Аида в Рим» (Плутарх).

Чтобы добраться до власти раньше положенного срока, нужно было сломать старые традиции. Это дело начали до Цезаря: Гая Мария вопреки законов избирали консулом несколько лет подряд, Гней Помпей за свои заслуги получил триумф, не будучи консулом. Цезарь продолжил расшатывать столетние устои, не гнушаясь никакой мелочью. Даже смерть любимой жены он использовал для этих целей.

«Держать надгробные речи при погребении старых женщин было у римлян в обычае, — читаем у Плутарха, — в отношении же молодых такого обычая не было, и первым сделал это Цезарь, когда умерла его жена. И это вызвало одобрение народа и привлекло его симпатии к Цезарю, как к человеку кроткого и благородного нрава».

Цезарь достиг некоторых успехов в карьерном росте: в 65 г. его избрали эдилом — на два года раньше, чем полагалось по возрастному цензу. И он продолжил политику поддержки марианцев — разгромленных, униженных, влачивших жалкое существование, но представлявших большую часть граждан Рима. Эти акции позволили и спустя два тысячелетия судить о Цезаре, как о вожде демократии, и даже марксисты считали его своим человеком, который боролся с ненавистными богачами и аристократами. Впрочем, он и был своим для любителей различных революций, точно также использовавших низменные инстинкты толпы, чтобы добиться власти. Пожалуй, Цезарь делал все это лишь более виртуозно; он неторопливо выращивал в обществе слой людей, который в определенное время пойдет за вождем куда угодно и против кого угодно; который ради Цезаря сметет прежнее государственное устройство и законы и будет думать, что поступает правильно.

Однако послушаем, как описывает Плутарх процесс создания Цезарем оппозиции древнему сенату:

«Чтобы вновь укрепить и повести за собой марианцев, Цезарь, когда воспоминания о его щедрости в должности эдила были еще свежи, ночью принес на Капитолий и поставил сделанные втайне изображения Мария и богинь Победы, несущих трофеи. На следующее утро вид этих блестевших золотом и сделанных чрезвычайно искусно изображений, надписи на которых повествовали о победах над кимврами, вызвал у смотрящих чувство изумления перед отвагой человека, воздвигнувшего их (имя его, конечно, не осталось неизвестным).

Слух об этом вскоре распространился, и римляне сбежались поглядеть на изображения. При этом одни кричали, что Цезарь замышляет тиранию, восстанавливая почести, погребенные законами и постановлениями сената, и что он испытывает народ, желая узнать, готов ли тот, подкупленный его щедростью, покорно терпеть его шутки и затеи. Марианцы же, напротив, сразу появившись во множестве, подбодряли друг друга и с рукоплесканиями заполнили Капитолий; у многих из них выступили слезы радости при виде изображения Мария, и они превозносили Цезаря величайшими похвалами, как единственного человека, который достоин родства с Марием.

По этому поводу было созвано заседание сената, и Лутаций Катулл, пользовавшийся тогда наибольшим влиянием у римлян, выступил с обвинением против Цезаря, бросив известную фразу: «Итак, Цезарь покушается на государство уже не путем подкопа, но с осадными машинами». Но Цезарь так умело выступил в свою защиту, что сенат остался удовлетворенным, и сторонники Цезаря еще более осмелели и призывали его ни перед чем не отступать в своих замыслах, ибо поддержка народа обеспечит ему первенство и победу над противниками».

7. «Вернусь понтификом, или совсем не вернусь»

В 63 г. умер верховный жрец (великий понтифик) Метел. Эта должность являлась пожизненной и самой высокой в религиозной иерархии Рима. Верховный понтифик осуществлял надзор за флами́нами, весталками, обладал большими полномочиями в делах религиозных, и не только. Велико его влияние было и на светскую власть, учитывая то, что в Древнем Риме никто религию не отделял от государства.

Не удивительно, что «два известнейших человека, пользовавшихся огромным влиянием в сенате, — Сервилий Исаврийский и Катул, — боролись друг с другом, добиваясь этой должности». Неожиданно конкуренцию им составил Цезарь, выставив свою кандидатуру в Народном собрании.

О том, как проходила борьба за самый высокий религиозный пост, рассказывает Плутарх:

«Казалось, что все соискатели пользуются равной поддержкой, но Катул, из-за высокого положения, которое он занимал, более других опасался неясного исхода борьбы и потому начал переговоры с Цезарем, предлагая ему большую сумму денег, если он откажется от соперничества. Цезарь, однако, ответил, что будет продолжать борьбу, даже если для этого придется еще большую сумму взять в долг. В день выборов, прощаясь со своей матерью, которая прослезилась, провожая его до дверей, он сказал:

— Сегодня, мать, ты увидишь своего сына либо верховным жрецом, либо изгнанником».

Почему изгнанником? Потому, что Цезарь взял такой кредит, что без денежной должности ему оставалось только спасаться бегством. Цезарь прекрасно умел жить в долг, но, видимо, терпение кредиторов истощилось. Светоний подтверждает выводы о бедственном положении Цезаря:

«Он стал домогаться сана великого понтифика с помощью самой расточительной щедрости. При этом он вошел в такие долги, что при мысли о них он, говорят, сказал матери, целуя ее утром перед тем, как отправиться на выборы: «или я вернусь понтификом, или совсем не вернусь». И действительно, он настолько пересилил обоих своих опаснейших соперников, намного превосходивших его и возрастом и положением, что даже в их собственных трибах он собрал больше голосов, чем оба они во всех вместе взятых».

Блистательная победа Цезаря весьма озадачила сенат и знать: они вполне справедливо опасались, что новый великий понтифик может увлечь народ на любую дерзость. Противостояние сената и Цезаря нарастало, борьба не на жизнь, а на смерть началась. Борьба за власть; в сражении за голоса и умы граждан поле боя осталось за Цезарем. Однако его ресурсы истощались.

8. Заговор Катилины

Народной симпатии было явно недостаточно Цезарю, чтобы реализовать свою мечту — невероятную для обычного человека и обычную для честолюбцев, вроде Александра Великого или Наполеона, — в общем, для тех, кто не только мечтал, но обладал достаточной энергией и не желал мириться с положением обычного смертного.

Цезарь искал союзников среди влиятельнейших римлян.

После смерти обожаемой Корнелии он вступил в брак с Помпеей, происходившей из рода Помпеев Руфов. Новая жена приходилась дальней родственницей Гнею Помпею Великому — военачальнику Суллы, герою недавней гражданской войны и самому популярному в то время политику. Повлиял ли новый брак на сближение обоих римских колоссов? Неизвестно, но довольно скоро Цезарь и Помпей превратятся в союзников.

В числе друзей Цезаря оказался и самый богатый человек Рима — Марк Лициний Красс. Он также был весьма честолюбив и не слишком разборчив в средствах на пути к богатству и власти. Первый совместный проект Цезаря и Красса поражает своим цинизмом настолько, что некоторые историки сомневаются в его реальности. Однако на пути к власти люди совершали и более ужасные дела.

Цезарь долго и весьма плодотворно использовал живших в своем сердце льва и лисицу. Но всенародная любовь, ненависть сената, проблемы с финансированием легальных методов борьбы, а также желание сократить путь к власти толкнула его очень рискованное предприятие. Имя Гая Юлия упоминается в связи с заговором Катилины.

Луций Сергей Катилина происходил из древнего патрицианского рода. Во время гражданской войны сражаясь на стороне Суллы; он лично участвовал в казнях видных марианцев и присваивал себе имущество казненных. Нажитая таким образом собственность довольно скоро ушла на оплату разгульной жизни Катилины. Он ненадолго поправил материальное положение во время наместничества в Африке, опять же не совсем законным способом. Патриций добивался избрания в консулы на 65 г., но не был допущен к соисканию этой должности. Причина была проста: население провинции Африка подало в суд на своего бывшего наместника, обвиняя его в вымогательстве.

Луций Катилина затаил на всех обиду, а он был не из тех, кто долго носит ее в себе. Пользуясь тем, что в Риме не было никакой военной силы, он составил заговор, имевший целью (ни много, ни мало) перебить весь сенат. Судя по описанию этой личности древними авторами, такая затея была вполне в духе Катилины. Возможно пороки Катилины несколько преувеличены, но вожди всех бунтов и революций не отличались чистоплотностью вообще.

Плутарх характеризует его, как человека отважного, предприимчивого и по характеру готового на все. «Помимо других многочисленных и важных преступлений, он некогда навлек на себя обвинение в сожительстве со своей дочерью и в убийстве брата. Опасаясь же суда над собою за это дело, он убедил Суллу вписать убитого как еще живого в число тех, кто должен был умереть. Избрав его своим главою, злоумышленники дали друг другу клятву верности, причем заклали над жертвенником человека и вкусили его мяса. Значительная часть городской молодежи была развращена Катилиной; каждого из них ублажал он постоянно всякими удовольствиями, попойками, даже доставлял им любовниц и, не скупясь, давал необходимые для всего этого средства».

«Луций Катилина, человек знатного происхождения, отличался большой силой духа и тела, но злым и дурным нравом, — представляет портрет вождя заговора римский историк Гай Саллюстий Крисп. — С юных лет ему были по сердцу междоусобные войны, убийства,

грабежи, гражданские смуты, и в них он и провел свою молодость. Телом он был невероятно вынослив в отношении голода, холода, бодрствования. Духом был дерзок, коварен, переменчив, мастер притворяться и скрывать что угодно, жаден до чужого, расточитель своего, необуздан в страстях; красноречия было достаточно, разумности мало. Его неумный дух всегда стремился к чему-то чрезмерному, невероятному, исключительному».

Что касается контингента будущего войска Катилины и способа вербовки, то Саллюстий солидарен с Плутархом:

«Более всего Катилина старался завязывать дружеские связи с молодыми людьми; их, еще податливых и нестойких, легко было опутать коварством. Ибо в соответствии с наклонностями каждого, в зависимости от его возраста, Катилина одному предоставлял развратных женщин и юношей, другому покупал собак и лошадей — словом, не жалел денег и не знал меры, только бы сделать их обязанными и преданными ему».

Способ приобретения союзников был явно в духе Цезаря. Однако Катилина славился расточительностью, денег этому человеку не хватало даже для собственных нужд, — подобные траты мог профинансировать только самый состоятельный римлянин — Марк Лициний Красс. Такие выводы служат косвенным подтверждением участия в заговоре Цезаря и Красса.

Самый богатый человек в Риме и самый популярный у плебса политик были весьма ловкими людьми; они использовали любую ситуацию и не могли пропустить в качестве безучастных зрителей назревавший заговор. Цезаря несколько не смутило то обстоятельство, что сподвижники Катилины были опустившиеся, погрязшие в долгах сулланцы, от которых он, в свое время много претерпел, а в настоящем являлся яростным борцом против порядка, установленного Суллой. Цель оправдывает средства — девиз вполне подходит Гаю Юлию.

Вместе с тем Цезарь и Красс были достаточно умными людьми, чтобы открыто не стать на сторону Катилины. Они предпочитали из-за ширмы управлять отчаянными головорезами, словно марионетками. Именно потому сведения о их роли в аванюре Катилины чрезвычайно расплывчаты, отрывочны и до конца не ясны. Из античных историков лишь Светоний открыто причисляет Цезаря и Красса к заговорщикам, причем они значатся на первых ролях. Согласно этому автору, предполагалось, что Катилина нападет на сенат и перебьет намеченных лиц. Среди всеобщей смуты Красса должны назначить диктатором, а Цезарю достанется второй по значимости пост — начальника конницы.

Как часто бывает в подобных авантюрах, мятежный и своенравный исполнитель вышел из под контроля идейных отцов. Убийства неугодных сенаторов Катилине показалось мало: он разработал план поджога Рима в двенадцати разных местах, а во время пожара в город должно было ворваться его войско и устроить небывалую резню.

Красс и Цезарь не оценили излишнее усердие Катилины. Особенно не устраивал такой вариант развития событий Марка Красса, — этот античный миллионер занимался строительством доходных домов и сдачей их в аренду. Ему принадлежало едва ли не пол-Рима, и потому от перспектив плана Катилины Красс пришел в настоящий ужас. В ночь с 21 на 22 октября 63 г. богатейший домовладелец явился в жилище консула Цицерона и передал ему якобы полученные анонимные письма, в которых содержались советы уехать из Рима, чтобы избежать смерти.

Таким образом, не без помощи Красса, была предотвращена бойня, грозившая гибелью Рима. Вскоре Цицерон арестовал бывших в городе руководителей заговора: Корнелия Лентула, Цетегу, Габиния и Статилия. Через два дня в храме Согласия состоялся над ними суд. Большинство сенаторов высказалось за смертную казнь, и лишь Цезарь пытался спасти их из последних сил.

«Неизвестно, оказывал ли тайно Цезарь в чем-нибудь поддержку и выражал ли сочувствие этим людям, но в сенате, когда они были полностью изобличены и консул Цицерон

спрашивал у каждого сенатора его мнение о наказании виновных, все высказались за смертную казнь, пока очередь не дошла до Цезаря, который выступил с заранее обдуманной речью, заявив, что убивать без суда людей, выдающихся по происхождению своему и достоинству, несправедливо и не в обычае римлян, если это не вызвано крайней необходимостью, — описывает Плутарх действия Цезаря. — Если же впредь до полной победы над Катилиной они будут содержаться под стражей в италийских городах, которые может выбрать сам Цицерон, то позже сенат сможет в обстановке мира и спокойствия решить вопрос о судьбе каждого из них».

Когда все мыслимые и немыслимые средства спасения заговорщиков были исчерпаны, Цезарь принялся призывать сенаторов к человеколюбию. В цicerоновской «Четвертой речи против Луция Сергия Катилины» мы находим следующие слова:

Цезарь «полагает, что бессмертные боги определили, чтобы смерть была не казнью, а либо законом природы, либо отдохновением от трудов и несчастий. Поэтому мудрые люди всегда встречали ее спокойно, а храбрые часто даже с радостью. Но тюремное заключение и притом на вечные времена, несомненно, придумано как высшая кара за нечестивое преступление».

Таким образом, Цезарь предвосхитил нынешних противников смертной казни. Забегая вперед, заметим, что он и далее будет беречь жизни римских граждан, которые по его же вине будут вести братоубийственные войны. Цезарю не была чужда высокая мораль и человеческие чувства, но избранный путь заставлял его невольно пренебрегать многими условиями, законами человеческими и божьими.

Предложение Цезаря показалось сенаторам настолько человеколюбивым, что многие отказались от своего мнения. И все же, большинством голосов сенат принял решение о казни заговорщиков, а «човеколюбие» Цезаря едва не стоило ему жизни.

«Когда Цезарь выходил из здания сената, то на него набросилось с обнаженными мечами много сбежавшихся юношей из числа охранявших тогда Цицерона. Но, как сообщают, Курион, прикрыв Цезаря своей тогой, благополучно вывел его, да и сам Цицерон, когда юноши оглянулись, знаком удержал их, либо испугавшись народа, либо вообще считая такое убийство несправедливым и противозаконным... Позже его обвиняли в том, что он не воспользовался представившейся тогда прекрасной возможностью избавиться от Цезаря, а испугался народа, необычайно привязанного к Цезарю» (Плутарх).

Противостояние Цезаря и отцов народа усилилось, через несколько дней Цезарь был вызван в сенат, чтобы защищаться против выдвинутых подозрений». Плутарх не говорит, в чем обвиняли Гая Юлия, но Светоний утверждает, что «он был объявлен сообщником Катилины».

Толпы народа, видя, что заседание затягивается дольше обычного, обступили здание сената и криками требовали отпустить Цезаря.

Сенат был очень напуган проявлением народной любви к Цезарю, ему даже пришлось предпринять дорогостоящие шаги, чтобы хоть как-то исправить ситуацию и вернуть утраченное уважение граждан к высшему государственному органу. По свидетельству Плутарха сенаторы пошли путем того, против кого и боролись:

«Поэтому и Катон, сильно опасаясь восстания неимущих, которые, возлагая надежды на Цезаря, воспламеняли и весь народ, убедил сенат учредить ежемесячные хлебные раздачи для бедняков. Это прибавило к остальным расходам государства новый — в сумме семи миллионов пятисот тысяч драхм ежегодно, но зато отвратило непосредственно угрожавшую великую опасность, так как лишило Цезаря большей части его влияния как раз в то время, когда он собирался занять должность претора и вследствие этого должен был стать еще опаснее».

Заговор, едва не уничтоживший Рим, был раскрыт, Катилина погиб в отчаянной битве с консульским войском, но Цезарь стал еще сильнее после неудачной попытки захватить власть. В 63 г. его избрали претором.

9. Жена Цезаря вне подозрений

По словам Плутарха, год претуры Цезаря прошел спокойно. На первый взгляд удивительно, что этот деятельный человек никак не проявил себя на государственной должности. Однако поведение его кажется вполне разумным: он до того разозлил сенаторов своими выходками, что малейшая вольность могла стоить ему жизни. С другой стороны, популярности у народа Цезарь достиг, а должность претора воспринимал как обязательную ступеньку на пути к консулату.

И еще, Цезарь неплохо умел загребать жар чужими руками. Естественно, что приходилось заниматься делами не слишком чистыми, когда речь идет о власти. Одним из таких помощников был Публий Клодий, — как его характеризует Веллей Патеркул, «человек знатный, красноречивый, дерзкий, ни в делах, ни в речах не знавший меры, той, какую он сам себе определил, энергичный исполнитель дурных замыслов, обесчещенный разворотом с сестрой, обвиненный в прелюбодеянии среди вызывающих благоговение святынь римского народа».

Публий Клодий оказал много важных услуг Цезарю, но в силу своего испорченного нрава доставил ему и неприятность. Случай, о котором долго судачил весь Рим, произошел в конце претуры Цезаря.

Сумасбродный распутник влюбился в жену Цезаря — Помпею, и даже пользовался ее взаимностью. (Видимо, у Гая Юлия не хватало времени на жену, а женщины любят дерзких отчаянных мужчин).

Несмотря на обоюдное желание, у любовников возникли препятствия. «Женские комнаты строго охранялись, — рассказывает Плутарх, — а мать Цезаря Аврелия, почтенная женщина, своим постоянным наблюдением за невесткой делала свидания влюбленных трудными и опасными». Чем труднее дело, тем интереснее добиться результата, а по части изобретательности с Клодием мог сравниться только, разве что, Цезарь.

Ежегодно в Риме справлялся праздник Доброй богини — по преданию, одной из матерей Диониса. Это был исключительно женский праздник; ни одному мужчине не позволялось присутствовать на церемонии и даже находиться в доме, где справляется торжество. Обряд был весьма важным для Рима, и проводить его полагалось в доме высших должностных особ — консула или претора. Главной распорядительницей была жена высокого лица. Основная часть празднеств совершалась ночью, сопровождаясь маскарадом, играми и музыкой.

В этот год такой чести удостоилось жилище Гая Юлия Цезаря.

«В том году праздник справляла Помпея, — описывает происходившее Плутарх, — и Клодий, не имевший еще бороды и поэтому рассчитывавший остаться незамеченным, явился туда, переодевшись в наряд арфистки и неотличимый от молодой женщины. Он нашел двери открытыми и был благополучно проведен в дом одною из служанок, посвященной в тайну, которая и отправилась вперед, чтобы известить Помпею.

Так как она долго не возвращалась, Клодий не вытерпел ожидания на одном месте, где он был оставлен, и стал пробираться вперед по большому дому, избегая ярко освещенных мест. Но с ним столкнулась служанка Аврелии и, полагая, что перед ней женщина, стала приглашать его принять участие в играх и, несмотря на его сопротивление, повлекла его к остальным, спрашивая, кто он и откуда. Когда Клодий ответил, что он ожидает Аbru (так звали ту служанку Помпеи), голос выдал его, и служанка Аврелии бросилась на свет, к толпе, и стала кричать, что она обнаружила мужчину.

Все женщины были перепуганы этим, Аврелия же, прекратив совершение таинств и прикрыв святыни, приказала запереть двери и начала обходить со светильниками весь дом в поисках Клодия. Наконец его нашли укрывшимся в комнате служанки, которая помогла ему войти в дом, и женщины, обнаружившие его, выгнали его вон. Женщины, разойдясь по домам, еще ночью рассказали своим мужьям о случившемся. На следующий день по всему Риму распространился слух, что Клодий совершил кощунство и повинен не только перед оскорбленными им, но и перед городом и богами. Один из народных трибунов публично обвинил Клодия в нечестии, и наиболее влиятельные сенаторы выступили против него, обвиняя его наряду с прочими гнусными беспутствами в связи со своей собственной сестрой, женой Лукулла».

Согласно постановлению сената, дело Клодия было передано на рассмотрение весталкам и понтификам, а те определили, что имело место кощунство. Однако народ принял героя-любовника под свою защиту. «Честные граждане, уступая просьбам Клодия, отстраняются от дела; вербуются шайки сторонников», — с сожалением пишет Цицерон своему другу Аттику.

Нашлись защитники и среди сенаторов: «Писон, из дружбы к Публию Клодию, предлагает старание к тому, чтобы предложение, которое он сам вносит, и вносит на основании постановления сената и притом по делу об оскорблении религии, было отвергнуто» (Цицерон). Тут уже и сам Цицерон, который являлся на то время консулом, признается другу в полном бессилии: «Я, настроенный вначале, как Ликург, с каждым днем становлюсь все мягче... Что еще сказать? Боюсь, как бы все это, не будучи доведено до конца честными гражданами и найдя защиту злонамеренных, не причинило государству великих несчастий».

Ситуация весьма показательна: сенат после смерти Суллы опустился до того, что не смел наказать наглеца и преступника.

Не менее интересна и позиция Цезаря в этом процессе. (Дело все же довели до суда, и Клодий предстал перед судьями, трясущимися от страха перед гневом черни.)

Вернемся опять к Плутарху:

«Цезарь тотчас же развелся с Помпеей. Однако, будучи призван на суд в качестве свидетеля, он заявил, что ему ничего не известно относительно того, в чем обвиняют Клодия. Это заявление показалось очень странным, и обвинитель спросил его:

— Но почему же тогда ты развелся со своей женой?

— Потому, — ответил Цезарь, — что на мою жену не должна падать даже тень подозрения.

Одни говорят, что он ответил так, как действительно думал, другие же — что он сделал это из угождения народу, желавшему спасти Клодия. Клодий был оправдан, так как большинство судей подало при голосовании таблички с неразборчивой подписью, чтобы осуждением не навлечь на себя гнев черни, а оправданием — бесславие среди знатных».

Клодий впоследствии окажет много услуг Цезарю, а жена... Жену Цезарь найдет еще одну, и ценить ее будет не больше, чем Помпею.

10. «Я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме»

После претуры Цезарь получил в управление Испанию. (Таковой была обычная практика: по истечению полномочий претор или консул получал наместничество в какой-либо провинции).

Вместо Испании Цезарь едва не оказался в долговой тюрьме. Оказалось, что будущий наместник задолжал астрономическую сумму, в несколько раз превышающую стоимость его имущества, — по свидетельству Аппиана, «ему нужно было 25 миллионов сестерциев, чтобы расплатиться со всеми долгами». Многочисленные кредиторы окружили дом Гая Юлия и с криками противодействовали его отъезду. Их можно было понять: должник отправляется в беспокойную провинцию и неизвестно вернется ли живым.

Согласно Плутарху, Цезарь «обратился за помощью к Крассу, самому богатому из римлян. Крассу нужны были сила и энергия Цезаря для борьбы против Помпея; поэтому он удовлетворил наиболее настойчивых и неумолимых кредиторов Цезаря и, дав поручительство на сумму в восемьсот тридцать талантов, предоставил Цезарю возможность отправиться в провинцию».

Марк Красс по наивности полагал, что Цезарь может быть ему полезен, но Цезарь мог вести лишь свою игру; он привык пользоваться людьми самого разного положения, извлекать пользу из собственных несчастий и даже действия врагов обращал себе во благо. Впрочем, возможностей самого богатого человека Рима оказалось мало, чтобы удовлетворить всех кредиторов Цезаря. Новый наместник отправлялся в провинцию словно беглец, «не дождавшись, вопреки законам и обычаям, распоряжений и средств» (Светоний).

Плутарх передает диалог Цезаря с друзьями на пути в Испанию, который весьма ярко раскрывает сущность этого человека:

«Рассказывают, что когда Цезарь перевалил через Альпы и проезжал мимо бедного городка с крайне немногочисленным варварским населением, его приятели спросили со смехом:

— Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?

— Что касается меня, — ответил им Цезарь с полной серьезностью, то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме».

В Испании Цезарь в полной мере проявил свои недюжинные способности и энергию. Он покорил несколько племен, неподвластных Риму, и раздвинул границы провинции до Атлантического океана.

Памятуя о своих проблемах с кредиторами, Гай Юлий решил установить мир между испанскими займодавцами и должниками. Фактически, Цезарь провел небольшой эксперимент в рамках вверенной ему территории. «А именно, он предписал, чтобы из ежегодных доходов должника одна треть оставалась ему, остальное же шло займодавцам, пока таким образом долг не будет выплачен».

Недоразумения с кредиторами накануне отбытия в провинцию обязывали Цезаря позаботиться и о собственном сундуке. По словам Плутарха, в Испании «он и сам разбогател и дал возможность обогатиться во время походов своим воинам, которые провозгласили его императором». («Император» — первоначально являлось почетным воинским титулом, которым солдаты по собственной инициативе награждали военачальника после удачной победы.)

Цезарь не брезговал никакими способами, чтобы поправить свои финансы. «Проконсулом в Испании, по воспоминаниям некоторых современников, он, как нищий выпрашивал у союзников деньги на уплату своих долгов, а у лузитанов разорил, как на войне, несколько городов, хотя они соглашались на его требования и открывали перед ним ворота» (Светоний).

Чтобы испанские победы и для Рима не были пустым звуком, Цезарь «послал в римское государственное казначейство много денег. За это сенат разрешил ему отпраздновать триумф» (Аппиан).

В конце 60 г. Цезарь остановился в предместьях Рима и занялся подготовкой пышного триумфа. Предстоящая процедура считалась высшей наградой для римлянина, шествие в триумфальной колеснице по улицам родного города было пределом мечтаний любого гражданина.

Однако в городе начались выборы консулов на следующий год, и Цезарь непременно хотел в них участвовать. Препятствием служила как раз таки высокая честь, оказанная ему сенатом. Дело в том, что военачальник, награжденный триумфом, не имел права входить в Рим пока не получит разрешение на празднование; лица, же домогавшиеся консульства, обязаны находиться в черте города.

«Цезарь, жадно стремясь к власти и не имея возможности заранее подготовить триумф, — рассказывает Аппиан, — обратился с просьбой к сенату разрешить ему принять участие в домогательстве консульского звания заочно, через друзей. Цезарь знал, что это незаконно, однако так поступали и другие».

Гай Юлий успел расположить к себе много сенаторов, видимо поделившись испанской добычей. Однако против Цезаря выступил Марк Порций Катон — неподкупный защитник старой доброй республики и ее законов, в будущем он доставит Цезарю немало неприятностей и явится самым последовательным врагом этого непомерного властолюбца. Катон, видя что значительная часть сената склонилась на сторону Цезаря, совершил деяние, достойное книги рекордов. Далеко не лучший оратор, он «произнес речь, которая продолжалась целый день». Утомленные собратья Катона сдались, и Цезарю было отказано в просьбе.

Таким образом, Гаю Юлию пришлось делать нелегкий выбор. Думал он недолго: синице в руке бывший испанский наместник предпочел журавля в небе. Единственный из римлян, отказавшийся от триумфа по своей воле, Цезарь вступил в борьбу за призрачное консульство.

11. В консульство Юлия и Цезаря

До появления Цезаря в Риме кандидатов было двое: Марк Бибул — ставленник сената и Луций Лукцей — менее влиятельный, никого не представляющий, но очень богатый. Цезарь тотчас объединился с Лукцеем.

Видимо Цезарь раздал некоторые долги и потратился на то, чтобы стать кандидатом в консулы, потому что финансировал выборы его союзник. Они договорились, по словам Светония, что Лукцей будет обещать избирателям «собственные деньги от имени обоих. Оптиматы, узнав об этом, испугались, что Цезарь не остановится ни перед чем, если будет иметь товарищем по высшей должности своего союзника и единомышленника: они дали Бибулу полномочия на столь же щедрые обещания и многие даже снабдили его деньгами. Сам Катон не отрицал, что совершается подкуп в интересах государства».

Цезарь и Бибул получили консульство, а Лукцей остался и без денег и без высшей должности.

В 59-м году практически все институты римской республики прекратили исполнять свои функции, а история консульства Гая Юлия Цезаря — это, по меньшей мере, практическое руководство для начинающих диктаторов. Цезарь настолько гениально использовал должность и ситуацию, что фактически стал хозяином Рима. Посильную помощь ему оказали даже опаснейшие враги, именно они бросили самого влиятельного человека, самого уважаемого среди граждан в объятия Цезаря.

Речь идет о Гнее Помпее: он одержал блестящие победы в Азии, разбил злейшего врага Рима Митридата, уничтожил киликийских пиратов и в разгар борьбы за консульство явился в Рим за достойными и заслуженными наградами.

Военачальник получил право на триумф, зрелищем которого был потрясен Рим. «Триумф Помпея был так велик, что, хотя и был распределен на два дня, — рассказывает Плутарх, — времени не хватило, и многие приготовления, которые послужили бы украшением любого другого великолепного триумфа, выпали из программы зрелища. На таблицах, которые несли впереди, были обозначены страны и народы, над которыми справлялся триумф: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберы, альбаны, Сирия, Киликия, Месопотамия, племена Финикии и Палестины, Иудея, Аравия, а также пираты, окончательно уничтоженные на суше и на море. В этих странах было взято не менее тысячи крепостей и почти девятьсот городов, у пиратов было захвачено восемьсот кораблей... Помпей внес в государственную казну чеканной монеты и серебряных и золотых сосудов на двадцать тысяч талантов, не считая того, что он роздал воинам...

Но что больше всего принесло славу Помпею, еще не выпадавшее на долю ни одному римлянину, это то, что свой третий триумф он праздновал за победу над третьей частью света. До него и другие трижды справляли триумф, но Помпей получил первый триумф за победу над Африкой, второй — над Европой, а этот последний — над Азией, так что после трех его триумфов создавалось впечатление, будто он некоторым образом покорил весь обитаемый мир».

Триумф — это было все, что получил Помпей за свои победы. Из зависти к его успехам сенаторы изобретали все новые и новые способы, чтобы навредить военачальнику. Помпею отказали в консульстве, ссылаясь на один из законов Суллы. Распоряжения и назначения Помпея на Востоке не только не были утверждены, но и отменялись, — больше назло Помпею, чем для пользы дела.

Самым обидным для триумфатора был отказ в земельных наделах для ветеранов азиатской кампании. Каждый военачальник считал своим долгом и обязанностью позаботиться

об отслуживших срок легионерах, — им предоставлялся клочок земли в Италии. Сенат же заявил, что свободных территорий нет. Помпей, засыпавший золотом римскую казну, не мог исполнить долг перед собственными воинами.

Увы! Помпей никогда не умел пользоваться плодами своих побед, но в Риме был Цезарь, который с ловкостью фокусника извлекал пользу из чужих побед и неудач.

Сначала Гай Юлий подсунул расстроенному триумфатору своего скандального друга — Клодия. Риму представилось отталкивающее зрелище с участием знаменитого полководца: «Помпей, — по словам Плутарха, — был вынужден прибегнуть к помощи народных трибунов и связаться с мальчишками. Самый отвратительный и наглый из них, Клодий, охотно пойдя навстречу Помпею, поставил его в полную зависимость от народа. Клодий заставлял Помпея, вопреки его достоинству, бегать за собой по форуму и пользовался его поддержкой, чтобы придать вес законопроектам, которые он предлагал, и речам, которые он произносил, желая лестью снискать расположение толпы».

Цезарь не спешил оказывать знаки внимания Помпею, ибо опасался нажать могущественного врага в лице своего главного кредитора. Помпей и Красс были давними соперниками в борьбе за почести, власть, провинции...

Цезарь блестяще решил и эту головоломку; причем, он стяжал горячую любовь сограждан, ибо последние боялись, как бы соперничество двух титанов не превратилось с очередную междоусобную войну. Под рукоплескание толпы, Цезарь создал триумvirат, — явление для римлян необычное, и потому неоцененное вовремя. Граждане незаметно оказались в руках трех мужей, а кто будет играть первую скрипку в этом необычном трио — догадаться нетрудно.

Вот как характеризует гениальнейший ход Цезаря Плутарх:

«Несогласия между Помпеем и Крассом, если бы Цезарь присоединился к одному из них, сразу делали его врагом другого. Имея это в виду, Цезарь попытался примирить обоих государственных деятелей — дело само по себе прекрасное, мудрое и отвечающее интересам государства, но затеянное с дурным намерением и проведенное с тонким коварством. До сих пор разделенное на две части могущество, как груз на корабле, выравнивало крен и поддерживало равновесие в государстве. Теперь же могущество сосредоточилось в одном пункте и сделалось настолько неодолимым, что опрокинуло и разрушило весь существующий порядок вещей. Поэтому Катон в ответ на утверждение, что республику ниспровергла возникшая впоследствии вражда между Цезарем и Помпеем, заявил, что ошибаются те, кто считает причиной гибели республики это последнее обстоятельство. Действительно, не раздоры, не вражда этих государственных деятелей, а их объединение и дружба принесли республике первейшее и величайшее несчастье».

Так и осталось тайной, каким образом Цезарь заставил связанных многолетним соперничеством Красса и Помпея протянуть друг другу руки; несомненно другое — непревзойденный мастер интриги — Гай Юлий — сумел бы примирить даже волка с ягненком.

Цезарь весьма простым способом решил вопрос о наделении ветеранов землей. Он не стал досаждать просьбами сенат, а обратился к народному собранию. Кроме легионеров Помпея, Цезарь предложил наделить землей граждан, у которых было по трое и более детей. Естественно, столь благородное начинание было поддержано народом.

Кампанское поле, в том числе и Стеллатский участок, объявленный предками неприкосновенным, вскоре будут разделены между ветеранами Помпея и многодетными гражданами. Это были последние общественные земли в Италии, приносявшие казне немалый доход от сдачи в аренду. Но какое дело Цезарю до государственных денег, коль он и свои никогда не считал.

Ловким маневром Цезарь оказал услугу Помпею, которая ему не стоила и медного асса; и теперь ветераны и десятки тысяч граждан почитали консула, как своего благодетеля. Недовольных Гай Юлий заставил молчать с помощью того же Помпея, который, получается, и несет ответственность за творимое беззаконие. Очередной ловкий ход Цезаря описан Плутархом:

«Когда товарищ Цезаря по должности, Бибул, воспротивился его намерениям, а Катон старался всемерно помочь Бибулу, Цезарь просто выпустил на ораторское возвышение Помпея и, обратившись к нему, спросил, одобряет ли тот внесенные им законопроекты. Когда последовал утвердительный ответ, Цезарь продолжал:

— Итак, если кто-нибудь вздумает насильем помешать законопроекту, придешь ли ты на помощь народу?

— Конечно, — ответил Помпей, — против тех, кто угрожает мечом, я выступлю с мечом и щитом.

Ничего более грубого Помпей, кажется, до этого дня еще не говорил и не совершал. Поэтому в оправдание Помпея говорили, что эти слова сорвались у него с языка сгоряча. Однако последующие события ясно показали, что Помпей совершенно подчинился Цезарю».

И это были не все дивиденды, что получил Цезарь от помощи новому «другу». Когда товарищ Цезаря по консульству попытался отменить земельный закон, то не получил ничего, кроме неприятностей на свою голову — в прямом смысле слова. Воины Помпея «внезапно напали на Бибула, когда тот спускался на форум вместе с Лукуллом и Катонем, и переломали прутья его ликторов; кто-то из них высыпал на голову Бибула корзину с навозом; двое народных трибунов, его сопровождавшие, были ранены».

После этого случая Бибул удалился в свой дом и сидел взаперти в течение восьми месяцев. Лишь очень немногие из сенаторов являлись на заседания. Однажды Цезарь попытался выяснить, почему пустуют скамьи в сенаторском зале. «Когда Консидий, — рассказывает Плутарх, — один из самых престарелых, сказал однажды, что они не приходят из страха перед оружием и воинами, Цезарь спросил его:

— Так почему же ты не боишься и не остаешься дома?

Консидий отвечал:

— Меня освобождает от страха моя старость, ибо краткий срок жизни, оставшийся мне, не требует большой осторожности».

Впрочем, Аппиан Александрийский рассказывает о попытках консула Бибула и сенаторов, оставшихся не у дел, противостоять Цезарю:

«Сенат собирався в доме Бибула, так как никто его не созывал, и нельзя было это сделать только одному из консулов. Сенаторы не могли противопоставить ничего равного силе и подготовленности Цезаря, однако они придумали, чтобы Бибул противодействовал законопроектам Цезаря: таким путем он испытает поражение, но никто не сможет обвинить его в нерадении.

Убежденный сенаторами, Бибул бросился на форум, в то время как Цезарь еще произносил речь перед народом. Начались споры и беспорядок, завязалась уже свалка. Люди, вооруженные кинжалами, ломали фасции и знаки консульского достоинства Бибула, некоторые из окружающих его трибунов были ранены. Бибул, не смущаясь этим, обнажил шею и призывал друзей Цезаря скорее приняться за дело.

— Если я не могу убедить Цезаря поступать законно, — кричал он, — то своей смертью я навлеку на него тяжкий грех и преступление.

Друзья отвели его насильно в расположенный поблизости храм Юпитера Статора. Посланный на помощь Катон, как юноша, бросился в середину толпы и стал держать речь к народу. Но сторонники Цезаря подняли его на руки и вынесли с форума. Тогда Катон тайно

вернулся другой дорогой, снова взбежал на трибуну и, так как говорить было бесполезно, — его никто уже не слушал, — грубо кричал на Цезаря, пока его снова не подняли на руки и не выбросили с форума. Тогда Цезарь провел свои законопроекты».

Сенаторы пытались бороться с Цезарем и способом, не очень подходящим для их положения. Но, чтобы убрать мятежного консула, все средства признавались достойными и справедливыми. «Один простолюдин, по имени Веттий, — рассказывает Аппиан, — ворвавшись в середину толпы с обнаженным кинжалом, сказал, что он был послан Бибулом, Цицероном и Катонам убить Цезаря и Помпея, и что кинжал дал ему ликтор Бибула, Постумий. Допрос Веттия отложили на следующий день, но ночью он был убит в тюрьме».

Хотя Аппиан сообщает, что Цезарь воспользовался этим случаем, «чтобы подстрекать толпу», все же Гай Юлий не опустился до террора. Гениальный авантюрист предпочитал уничтожать своих противников по-рыцарски, в честном бою, — что и отличало его от диктаторов более мелкого пошиба; от многочисленных его последователей, цезарей с маленькой буквы, стремившихся походить на античного героя. Увы! Добиться неограниченной власти и сохранить величие духа удастся очень немногим!

После случая с Веттием Цезарь «добился того, что народ дал ему право бороться против всех козней». Однако он воспользовался неудачным покушением лишь для того, чтобы запугать своих противников, ибо ни один из сенаторов, ни один из называемых участников заговора не пострадал.

Гай Юлий добился нужного ему результата бескровно и эффективно. По словам Аппиана, «Бибул, выпустив из рук всякую инициативу, подобно частному человеку, не выходил из дома и не занимался государственными делами».

«С этого времени, — подводит итог Светоний, — Цезарь управлял всем в государстве по своей воле. Некоторые остроумцы, подписываясь свидетелями на бумагах, даже помечали их в шутку не консульством Цезаря и Бибула, а консульством Юлия и Цезаря».

Цезаря нисколько не волновало, что Рим остался без сената и с одним только консулом. Он искал новых союзников и находил их. Довольно простым способом Гай Юлий перетянул на свою сторону богатое и влиятельное всадническое сословие.

Дело в том, что римское государство продавало право сбора налогов с провинций финансовым компаниям всадников, — так называемым публиканам. Они выплачивали казне требуемую сумму, а затем с лихвой выколачивали деньги из провинции.

Доходов всадникам показалось мало (впрочем, денег никому не бывает много), и они просили сенат снизить откупную сумму, но отцы народа не спешили удовлетворить аппетиты откупщиков. И только Цезарь великодушным жестом простил всадникам треть откупной суммы.

«Всадники, получив эту неожиданную милость — даже больше того, что они просили, — начали боготворить Цезаря. Таким образом у него благодаря ловкому политическому ходу прибавилась новая группа сторонников, более сильная, чем народ», — рассказывает Аппиан о результатах неслыханной щедрости Цезаря, опять же за счет государства.

Светоний солидарен с Аппианом:

«Вообще он щедро раздавал все, о чем бы его ни просили, не встречая противодействия или подавляя его угрозами». Цезарь, будучи тонким психологом, избирал индивидуально для каждого способ подавления: «Марка Катона, выступившего в сенате с запросом, он приказал ликтору вытащить из курии и отвести в тюрьму. Луция Лукулла, который слишком резко ему возражал, он так запугал ложными обвинениями, что тот сам бросился к его ногам».

О досуге простых римлян Цезарь также не забывал. Еще бы! Ведь с помощью послушного народного собрания он прибрал к рукам всю власть в государстве и распоряжался ей, как хотел. «Цезарь устраивал зрелища и травли зверей, далеко выходя за рамки своего состояния. На все это он занимал деньги, и его зрелища превосходили все прежде бывшее обстановкой, расходами и блестящими подарками» (Аппиан).

Как мы помним, в год своего консульства Цезарь образовал триумвират с участием Красса и Помпея. По логике вещей Цезарь обязан был поделиться властью с союзниками, однако благодаря изворотливости Гая Юлия и этого делать не пришлось.

Красс был занят умножением капитала и ждал хорошей войны, чтобы обеспечить себя славой в качестве полководца. Миллионеру были чужды хитросплетения политики, состоявшие из тысячи мелочей, — он желал всего и сразу.

С Помпеем, привыкшем к славе, вниманию, всеобщему почитанию, дела обстояли труднее, но Цезарь нашел способ и его заставить забыть о власти и политике. Он выдал замуж за Помпея свою единственную дочь Юлию.

Заклучить подобный брак было непросто, и отнюдь не потому, что жених (Помпею исполнилось 46 лет) оказался старше невесты вдвое. Когда Цезарю пришла на ум эта блестящая идея, Юлия была обручена с Сервилием Сципионом, причем свадьба намечалась через несколько дней. Цезарю пришлось разыграть невероятную комбинацию, где не нашлось места лишь чувствам, хотя они в подобных делах должны играть свою роль. Сципион был главным помощником Цезаря в борьбе с Бибулом, и чтобы смягчить гнев отвергнутого жениха, вместо Юлии ему пообещали дочь Помпея. Последняя также раньше была обручена с Фавстом, сыном Суллы.

Разобравшись с брачными делами союзников, Цезарь и сам женился в третий раз. Увлечшись новым способом решения проблем, Гай Юлий также вступил в брак с Кальпурнией отнюдь не по любви. Его тесть, Пизон, в следующем году сменит Цезаря на консульской должности.

Подобные манипуляции с невестами вызвали «сильное негодование Катона, заявлявшего, что нет сил терпеть этих людей, которые брачными союзами добывают высшую власть в государстве и с помощью женщин передают друг другу войска, провинции и должности» (Плутарх).

С помощью дочери Цезарь добился желаемого. «Помпей быстро растерял свою энергию, — рассказывает Плутарх, — ухаживая за молодой женой; он посвящал ей большую часть своего времени, проводя вместе с нею целые дни в загородных имениях и садах и вовсе не обращая внимания на то, что творилось на форуме. Клодий, бывший тогда народным трибуном, стал относиться к нему пренебрежительно и позволил себе весьма наглые поступки». Этот наглец в следующем году отправит в изгнание друга Помпея — Цицерона, а правдолюбца Катона пошлет на Кипр под предлогом ведения войны на острове.

Цезарь реально стал единовластным хозяином Рима, — стал бескровно и легко. Если Марий и Сулла только после громких военных побед начали политическую карьеру, то Цезарь сумел ее сделать необычным способом: с помощью изворотливого ума и денег. Пятисотлетние законы и традиции он сломал безболезненно и даже незаметно для римлян. Впрочем, консул-диктатор видел, что республиканскому Риму осталось недолго. Прецедент создан гражданской войной Мария и Суллы, появившиеся диктаторы не вписывались в узкие рамки древних законов, но встречали горячую поддержку граждан.

И все же, консульство Цезаря явилось лишь пробным шагом, репетицией большого концерта, который начнется у маленькой пограничной речки — Рубикона.

Цезарь достиг своей мечты, но это было исполнение мечты сроком на год, а не навсегда. Только один год отведен консулу для отправления своей власти, и сломать последний барьер Гай Юлий Цезарь в этот раз не решился.

Галлия

12. Спокойная провинция для проконсула

Окончания консульства Цезаря с нетерпением ждал сенат в полном составе. Ждали все, кто имел какое-то отношение к власти до появления неугомонного Цезаря, сумевшего отнять все у всех.

Отслужившие срок консулы обычно получали наместничество в провинции. Естественно, энергичного Цезаря сенаторы не желали оставлять в Риме, но и не знали, куда бы его выслать и каким образом. Сам консул хранил упорное молчание по поводу планов на будущее; Гай Юлий ничего для себя не просил, и не требовал. Своим поведением он озадачивал сенаторов гораздо больше, чем, если бы предъявлял непомерные требования.

Неожиданно народный трибун Публий Ватиний предложил дать Цезарю в наместничество Цизальпинскую Галлию с принадлежавшим ей Иллириком. Сенаторов такой вариант устроил. Окруженная со всех сторон дружественными землями, с миролюбивым населением, Цизальпинская Галлия, казалось, была призвана усмирить мятежный дух Цезаря. По словам Моммзена, сенат намеренно выбрал провинцию, «где наместнику нечего было делать, кроме строительства дорог и других столь полезных работ».

Цизальпинская Галлия, или, как еще ее называли, «Галлия в тоге», находилась на севере Италии. Она давно была колонизирована римлянами, и население Предальпийской Галлии ничем не отличалось от остальных жителей италийского сапога.

К удивлению многих, консул безропотно принял назначение сената. Однако спустя некоторое время он потребовал, чтобы наместничество было закреплено за ним на пять лет.

Назначение на такой длительный срок противоречило всем законам, но римляне уже успели привыкнуть к тому, что в последние годы установленные предками законы и традиции чаще нарушаются, чем соблюдаются. После недолгих споров решили: если Цезарю нравится сидеть пять лет в Галлии, не будем ему мешать – главное, чтобы его не было в Риме.

Цезарь сложил с себя полномочия консула и отбыл в назначенную провинцию. Первое, что он сделал по приезде – принял у Луция Афрания командование тремя легионами, которые находились в Цизальпинской Галлии. Проконсул внимательно осмотрел военные лагеря, вооружение, провел несколько учебных боев. Всем увиденным Цезарь остался чрезвычайно доволен и приказал повысить легионерам жалование. Отныне легионеры стали чтить нового наместника, как отца.

Спустя некоторое время сенат получил очередное требование Цезаря: он хотел присоединения к своему наместничеству еще и Нарбонской Галлии.

Нарбонская Галлия начиналась сразу за Альпами и располагалась на территории современного Прованса. Она стала римской провинцией в 120 году, то есть за шестьдесят два года до описываемых событий. Ее крупнейшие города Массалия, Нарбон и Аквы Секстиевы давно были освоены и заселены римлянами. В сельской местности в большинстве своем жили галлы, местами перенявшие римские обычаи и язык, а кое-где сохранившие свои традиции. Поэтому, в отличие от «Галлии в тоге», ее северную соседку называли «Галлией в штанах».

Последнее пожелание Гая Юлия совсем не понравилось сенату, но было уже поздно. За спиной Цезаря стояли три преданных легиона. Так как согласно законам на территории Италии не должны располагаться войска, три легиона Цезаря были самой близкой к Риму армией. На передаче Нарбонской Галлии своему новому другу настаивали и Помпей с Крассом. Народные трибуны также поддержали Гая Юлия.

Проклиная себя за то, что легкомысленно отправили Цезаря в Цизальпинскую Галлию, сенаторы согласились с очередным его требованием. Они еще не понимали, что Цезарь привык любой ценой добиваться желаемого и отныне бесполезно стоять у него на пути.

Таким образом, Юлий Цезарь удвоил территорию своего наместничества и получил еще один легион, размещавшийся в Нарбонской Галлии.

Севернее проконсульства Цезаря раскинулась Трансальпинская Галлия, включавшая в себя большую часть территории современной Франции, территорию Люксембурга, Бельгии, Зарейнской Германии, Южных Нидерландов и Западной Швейцарии. Она была неподвластна римлянам, и потому ее презрительно величали «Косматой Галлией». На бескрайних просторах проживали различные народы кельтского корня. Самые многочисленные и могущественные из них были арверны, эдуи, секваны, бельги, гельветы. Народы эти часто воевали между собой, но иногда тревожили и римские владения в обеих Галлиях и Испании.

(Цезарь в «Записках о галльской войне» с присущей ему гениальной простотой классифицировал население Галлии, а заодно объяснил происхождение некоторых терминов, вызывающих в литературе путаницу до сих пор:

«Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут бельги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются КЕЛЬТАМИ, а на нашем — ГАЛЛАМИ».)

Огромной Галлия была довольно слабым противником в военном отношении, не только по причине этнической пестроты. Социальное расслоение там приняло совершенно уродливые формы, и потому большинство населения равнодушно взидало на периодически появлявшихся завоевателей. Слишком мало находилось желающих защищать родину; все-таки, это слово у многих ассоциируется с некой собственностью, — она же находилась в руках немногих. Отчасти этим и можно объяснить будущие фантастические успехи Цезаря.

«Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, — читаем в «Записках о галльской войне», — которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имеют над ними все права господ над рабами.

Вышеупомянутые два класса — это друиды и всадники. Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. Они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах — решают те же друиды; они же назначают награды и наказания; и если кто — будет ли это частный человек или же целый народ — не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды, точно от заразного...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.